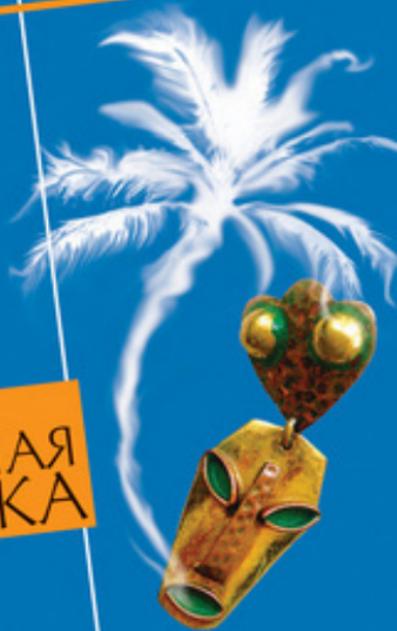

ЛЮБОВНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА
АРСЕНЬЕВА

СТРАШНАЯ
СКАЗКА

Елена Арсеньева

Страшная сказка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161376
Арсеньева Е. Страшная сказка: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-09691-4

Аннотация

Русская туристка Надежда Гуляева погибла во время отдыха в Африке, сорвавшись на машине со знаменитого перевала Ребро Шайтана. О, это была дамочка с бурным прошлым! Владелица сети ночных клубов, бизнес-леди со связями, беспощадная, расчетливая. Немало людей могли пожелать ей смерти... В том, что кто-то явно «помог» ее автомобилю рухнуть в пропасть, не сомневается знаменитый татуировщик Егор Царев, который случайно оказался поблизости от места трагедии. Он сумел вычислить виновников смерти Надежды, но теперь никак не может понять, кто же эти люди – расчетливые убийцы или придурковатые Робин Гуды? А может быть, и то и другое в одном флаконе?..

Содержание

Егор Царев	4
Родион Заславский	10
Анфиса Ососкова	22
Родион Заславский	32
Егор Царев	42
Ольга Еремеева	47
Валентина Абдрашитова	54
Анфиса Ососкова	58
Ольга Еремеева	65
Валентина Абдрашитова	70
Ольга Еремеева	77
Егор Царев	86
Ольга Еремеева	91
Анфиса Ососкова	100
Ольга Еремеева	106
Надежда Гуляева	114
Ольга Еремеева	118
Анфиса Ососкова	123
Родион Заславский	130
Егор Царев	135
Ольга Еремеева	140
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Елена Арсеньева

Страшная сказка

Женщине главное – убедить в чем-то себя, а потом она докажет это кому угодно.
Зигмунд Фрейд

Егор Царев

Май 2001 года, Агадир

«Она! Точно – она. Волосы отрастила, ишь какая грива, а так – совершенно не изменилась. Она!

Интересно, узнает она меня? Ха! Пусть только попробует не узнать! Вот сейчас плюхнуться рядом на лежак, хлопнуть красотку по знакомой до боли, можно сказать, родной попке и воскликнуть: «Надюшка, звезда моя! Это я, твой Гашиш!»

Хотя... Нет, конечно, нет. Не тот уровень отношений. Мужики, которые шныряют вокруг и жрут ее глазами, полопались бы от зависти, конечно, однако... как бы им не пришлось лопаться от смеха, когда я огребу здоровецкую оплеуху из этих нежных ручек. А не исключено. Ведь эта красотка выпала, можно сказать, выскочила из моей жизни так же стремительно, как выскакивает из автобуса человек, едва не проехавший свою остановку. И хоть я отродясь не гонялся

за бабами, твердо веря, что на каждую *не давшую* отыщется десять *давших*, именно эта женщина могла бы заставить меня изменить трезвому расчету типичного Близнеца: брать только то, что само идет в руки.

Однако узнает она меня или нет? Конечно, я изменился за эти два года, но не настолько же! Она меня видела, факт, но тут столько мужиков, глаза разбегаются... Ого, рядом с ней как раз освобождается топчан! Ладно, дадим девушке шанс».

Егор неторопливо поднялся, сгреб шорты и сандалии – весь свой пляжный гардероб – и сделал знак пробежавшему мимо бою. Тот понятливо кивнул, отложил совок, которым спешил собрать с бирюзовой глади бассейна упавшие туда сиреневые и розовые лепестки (в мае в Агадире все цветет как ошалелое), перекинул через плечо бело-синий полосатый матрац, совершил небольшую пробежку – и уложил матрац на освободившийся лежак, ровно на полсекунды опередив долговязого немца, который с апломбом истинного арийца маршировал с другого края бассейна. Немец полыхнул на маленького араба откровенно расистским взглядом, словно отчаянно пожалел в эти мгновения о бесславной судьбе армии Роммеля, которая легла костью как раз где-то в этих местах, в северо-западной Африке. А может, просто в северной, какое это теперь имеет значение? Главное, что Роммель не успел прижать к ногтю арабов, и нынче любой и каждый из них мог перейти дорожку потомку победоносных

тевтонов. Впрочем, оный потомок не мог не понимать, что бой действовал в данном случае под давлением превосходящих обстоятельств. Немчин окинул взглядом бледно-голубых глаз эти неспешно приближающиеся обстоятельства в лице Егора, оценил его впалый, перетянутый буграми мышц живот, накачанные плечи, а также – свидетельство ошибок молодости – изрядно выцветшую татуировку (спиртовой тушью деланную, где ж *там* возьмешь иной материалец!) на правом предплечье (церковь с четырьмя куполами и орел двуглавый, только вместо герба буквы УК) – и... около бассейна в отеле «Альмохадес» случился новый разгром под Москвой, новый Сталинград, новая Орловско-Курская битва и все прочее, прочее, вплоть до сдачи Берлина: блицкриг провалился, фриц стушевался и круто повернул в западном направлении.

Более на плацдарм возле прекрасной дамы не претендовал никто, и Егор занял его с видом победителя.

А дама, заметьте себе, словно бы и не ведала, какие баталии вокруг нее разворачивались. Лежала себе и лежала, устроив на сомкнутых руках красивую рыжеволосую голову, неотрывно глядя на синюю-пресинюю гладь воды... Строго говоря, водичка была голубая, но никто из людей, *понимающих* это петушиное прилагательное, никогда не употребляет. Синий, говорят они. Светло-синий. Ну очень светло-синий...

И Егор вдруг остро, словно это было только вчера, вспом-

нил, как она царапала остреньким темно-красным ноготком по его плечу, обводя очертания куполов, цепей, которые разрывал орел, чаши, на которой покачивалась церковь, и выспрашивала: «А это что значит? А это?» И он, поживаясь от щекотки, рассказывал, что орел с буквами УК (Уголовный кодекс называется) – это государство, весы – срок, который оно отвесило гражданину Цареву Егору Константиновичу, четыре купола – четыре года, которые ему назначено было чалиться, разорванные цепи – знак того, что вышел досрочно.

– Гоша, а больно было колоться? – спросила она.

– Да уж, – усмехнулся он. – Это я всю твою божественную попку лидокаином обработал вдоль и поперек, а там, знаешь, никакой анестезии, ни местной, ни общей, и в помине не было: хочешь выглядеть как человек – терпи.

– Молчи, терпи и плачь, – промурлыкала она, сильнее вдавливая отточенный ноготок в его тело, и хоть это было тьфу, пустяки, не боль, ему отчего-то почудилось, что из светло-синих (!) линий выступают капельки крови – темно-красной крови, точно такой же, как покрывающий ее ногти лак. Ну а потом Егор сказал, что не одному лишь искусству татуировки научился *там*: вот если бы печатались книжки про не только всем известную Камасутру, или китайский даосизм, или еще что-то в этом роде, а издали бы пособие по лагерной школе секса, то не было бы для женщин лучшего учебника, особенно в искусстве... как бы это по-

изящнее выразиться... в искусстве игры на флейте! Она слушала с блаженной усмешкой, а потом они перешли к практическим занятиям, и, кажется, не было в его жизни более прилежной и умелой ученицы... А потом она исчезла – просто исчезла, будто и не было ее никогда.

И что? За какие-то два года вот так все забыть? В упор не видеть человека, которому... который...

– Надюшка, не хочешь купнуться? – послышался рядом веселый мужской голос, и Егор сначала зафиксировал, что это сказал *русский* (со всех сторон слышалась только немецкая и французская речь), мимолетно удивился, кто может к ней обращаться этак фамильярно, и, оторвавшись от невеселых мыслей, посмотрел в направлении голоса.

Парень со светлыми волосами, с которых капала вода, высунулся из бассейна, словно водяной, и смотрел на молодую женщину, призывно пошлепывая ладонями по воде. Солнце играло на его мокрых загорелых плечах – плечи тоже были ничего себе, не слабее, чем у Егора, даром что без татуировки.

– Хочу, – сказала она, легко вскочила с лежака и, красиво поводя своей умопомрачительной попкой, соскользнула в бассейн.

Парень поддержал ее в воде, и на какой-то миг их тела прильнули друг к другу, и Егор увидел, как смотрят на эту женщину его глаза. Они были голу... черт! Вот именно что они были голубыми, а никакими не светло-синими! Голубы-

ми, да, гори оно все огнем!

Вот в чем дело, значит. Вот почему она никак не хотела узнавать Егора.

Она была здесь не одна, а со своим мужчиной!

Уязвленное самолюбие (как это так?! Бывшая любовница не желает его признавать?!) немного успокоилось. Но взамен начала бушевать ревность, а Егор знал за собой такую особенность: если его одолеет это чудище с зелеными глазами, то Отелло, шекспировский мавр (между прочим, земляк тутошних аборигенов, ибо сия страна, Марокко, некогда называлась именно Мавританией), – так вот: если Гошу Царева начнет одолевать ревность, мавр Отелло может спокойно отдышать.

Родион Заславский

Январь 2001 года,

Нижний Новгород

Как известно, друзьям отказывать труднее всего. Даже в самых дурацких просьбах. Ведь друг не молит униженно, дескать, помоги, голубчик, не дай пропасть, тем самым перекрывая тебе возможность выбора – помочь или не помочь. Друг просто звонит и ставит тебя перед фактом:

– Слушай, Родик, ты мне до зарезу нужен сегодня. Видок прими повнушительнее. Будь во столько-то там-то, но уж постарайся не опоздать. Иначе все дело сорвешь!

– А что за дело? – робко интересуешься ты, прикидывая, что «во столько-то» наступает уже через полчаса, а у тебя и своих забот по горло, да и понятие «выглядеть повнушительнее» очень уж растяжимое, разброс от золотой цепи в кулак толщиной на шее и мятых шортов до костюма из жутко дорогого магазина «Boss», который недавно открылся на Покровке, – то есть архинеобходимо утрясти некоторые детали, касаемые совпадения цвета носков, трусов и галстука. Но друг считает, что твое любопытство недостойно ваших отношений:

– Ты чего это? Сказал же: надо, Федя. Надо! Когда тебе надо, я же всегда как штык, как пионер, готов к труду и обо-

роне! Скажешь, нет? Короче! – Голос друга становится категоричным, как приговор высшей инстанции. – Короче, там-то во столько-то. Некогда мне с тобой ляды точить, бежать надо. И не волнуйся, Родя... – Тут друг многозначительно умолкает, а потом продолжает с торжеством: – Ни в какой криминал я тебя не втравлю!

Вслед за этим он испускает противненький хохоток и бросает трубку, убежденный, что является величайшим юмористом всех времен и народов, рядом с которым отдыхает даже Задорнов-младший. И юмор не только в том, что ты теперь надолго призадумался, кто же ты есть, в конце концов, Родя (Родион) или Федя (Федор). Штука (и шутка) в том, что друг твой, по имени Николай Мыльников, работает в районной милиции, в отделе борьбы с экономическими преступлениями, и это в самом деле игра слов высокого полета – насчет того, что он не втравит тебя ни в какой криминал. То есть ты заранее знаешь, что именно в это дело и вляпаешься, но, поскольку времени на возражения и на обдумывание тебе уже не отпущено, начинаешь быстро одеваться, вытаскивая из гардероба первые попавшиеся одежды и размышляя, что тебя ждет на сей раз.

Был случай год назад, когда Коляша высвистел тебя из дома таким же внезапным образом, и ты тогда здорово лоханулся с этими самыми одежками! Дело было в начале февраля. Коляша точно так же законспирировался: «Прием на высшем уровне, прикинь!» Ну, Родион решил, что ему при-

дется ради друга Коляши последить за кем-нибудь на каком-нибудь светском рауте в заведении высшего класса, типа в «Русском льве», и явился, учитывая необычайно теплый для зимы день, как последний дурак, в темно-синей, в чуть заметную серую полосочку тройке и при галстукe, свежесбритый и свежестриженный, в кашемировом пальто, без шапки и в ботиночках на рыбьем меху. Дико нервный Коляша не обратил на его внешность никакого внимания, только с отворачиванием потянул носом и спросил: «Фаренгейт», что ли?», — но ответа ждать не стал, затолкал друга на заднее сиденье своей побитой, некогда белой, а теперь серо-буро-малиновой «девятки» и ударил по газам. В компании с Родионом оказались трое утомленных боевыми буднями Коляшкиных товарищей по оружию. Один из них немедленно уронил голову на плечо Родиону и захрапел с посвистом и тяжкими придыханиями, причем то и дело дергал во сне конечностями, словно гончий пес, которому снится охота, а двое других принялись страшными, непотребными, непечатными словами и идиомами костерить городскую администрацию, всю, от мэра до последнего охранника на входе в здание этой самой администрации, а также какую-то неведомую мегеру.

Отделяя на слух зерна от плевел в этих изошренных образцах народного творчества, Родион постепенно докопался до смысла их бурного негодования. Какая-то мегера, схваченная Коляшей за руку во время наглых махинаций в Фонде занятости (баба увеличила себе зарплату в справке,

предоставляемой в фонд, чтобы получить максимальное пособие по безработице), решила отбояриться от заслуженного наказания (а ей грозила статья хоть и не расстрельная, но все же достаточно позорная). Пока Коля вел с ней душеспасительные беседы, искренне тронутый ее житейской глупостью и неверием в то, что все тайное рано или поздно становится явным, она решила перевести стрелки, свалить все с больной головы на здоровую. Взяла да и ворвалась в кабинет к начальнику отдела по борьбе с экономической преступностью тов. Васильеву М.И., да и оклеветала перед ним опера этого же отдела Мыльникову Н.Н., который применяет при дознании недозволенные методы, вплоть до того, что склоняет несчастную женщину к оказанию ему некоторых (!) услуг, после чего обещает закрыть глаза на ее мелкое мошенничество. Уж неизвестно, чем она так очаровала начальника, только отпустил он ей все грехи и саму ее отпустил восвояси, а оперу Мыльникову вставил тако-о-го пера... Именно поэтому он в компании с товарищами по оружию отправился на выходные зализывать раны на дачу к одному из оных товарищей, прихватив с собою друга Коляшиного детства Родиона Заславского.

Учитывая то, что дача находилась за 150 км от Нижнего, в какой-то богом забытой деревеньке Ковернинского района, где из всех жителей осталось только замороженное пугало на огороде, а также что «девятка» трижды буксовала по пути и один раз, заюзив, съехала в кювет, а также что внезапно уда-

рил мороз и теперь февраль полностью оправдывал свое старинное название «лютый», поэтому грелись и унимали ретивое на полную мощь, – короче, учитывая все это, можно с уверенностью сказать, что тройка и галстук Родиона пришились как нельзя кстати. Прием состоялся на самом высоком уровне, ящика водки и четырех пива хватило только-только, чтобы не умереть от жажды, и ежели б, к примеру, у Родиона в барсетке, кроме расчески, имелся пресловутый «Фаренгейт», дело непременно дошло бы и до него, даром что он аэрозоль. Костюм после этого «приема» потребовалось сдавать в чистку, но даже «Лавандерия» не справилась со всеми пятнами, поэтому тройка из разряда выходных плавно перекочевала в повседневную одежду, а прожженное у буржуйки серое кашемировое пальто реставрации, увы, больше не подлежало, поэтому пришлось его и размякшие в кашу туфли отдать, как писали в старинных романах, «бедным людям». Попросту выкинуть на помойку.

Сегодня Родион был умнее. Он надел серый пуловер на голубую рубашку, незаменимые джинсы, накинул черную кожаную курточку (апрель нынче выдался совершенно непотребный), прошелся по волосам щеткой, соорудив что-то вроде «политического зачеса», весьма популярного в 30-е годы прошлого (уже прошлого! С ума сойти, как время-то летит!) XX столетия, и отправился на дружескую встречу, которая назначена была рядом со Всероссийской академией гуманитарных и естественных наук. Вот так, не больше и не

меньше.

Академий подобного рода расплодилось нынче – не счесть, и обучение в каждой стоит немалых денежек. Поскольку высшее образование теперь приобрело былую престижность, заветные «корочки» желает получить огромное количество народу. Но вполне в духе прежних, совковых времен качество знаний, подтвержденных этими «корочками», принципиального значения не имеет. От сессии до сессии студенты живут по-прежнему весело, сессия, как и раньше, всего два раза в год, все остальное время ребяташки филонят и волынят, не подозревая, что работодатели, воспитанные еще в старых традициях, смотрят на «корочки» и «поплавки» всех этих «академиев» очень даже пренебрежительно, предпочитая надежные дипломы государственных университетов и институтов. Надежды, впрочем, юношей (а также девушек) питают, как питали и встарь, а потому дефицита студентов в учебных заведениях такого рода не наблюдается. Даже несмотря на то, что все они платные. Весьма!

Серо-буро-малиновая «девятка» уже стояла на обочине, недалеко от академического крыльца, Коляша топтался рядом, от нечего делать пиная колесо. Увидав его, Родион невольно усмехнулся: друг был одет в синие мятые джинсы и черный кожанчик, распахнутый на груди, так что виднелся серый пуловер и воротничок голубой рубашки, туго облегающий шею.

– Мы с тобой сегодня как близнецы-братья, – сказал он,

протягивая Коляше руку.

Тот небрежно тиснул его ладонь.

– В масть! Хоть пиши с нас полотно «Будни уголовного розыска». Вернее, отдела по борьбе с экономистами. Что-то ты долгонько добирался. Пошли, экзамен уже идет.

– Ты б еще позднее позвонил, – огрызнулся Родион. – Я вообще уходить собирался. А что сдаем?

– Какую-то ветеринарную хреновину, для которой нужна латынь, – ответил Коляша. – Что-нибудь смекаешь в этом предмете?

– Ну... – Родион чуть напрягся, а потом радостно сообщил: – *In vino veritas!*¹

– Святая правда! – потирая виски, кивнул Коляша. – А что-нибудь поприличнее знаешь?

Родион призадумался, и, пока они шли коридорами академии, прохладными, полутемными, какими и положено быть коридорам вуза, мимо высоких белых дверей с номерами, он периодически выпаливал что-нибудь этакое, выплывающее из бездн памяти:

– *O tempora! O mores!.. Aut Caesar, aut nihil... De mortuis aut bene, aut nihil... Tempora mutantur et nos mutamur in illis! Veni, vidi, vici*²... – пугая проходивших мимо студентов.

¹ Истина в вине! (*лат.*)

² О времена! О нравы!.. Или Цезарь, или ничто... О мертвых или хорошо, или ничего... Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними! Пришел, увидел, победил (*лат.*).

Наконец Николай остановил его жестом и двинулся к какой-то барышне, которая стояла около окна и, вытянув шею, нервно вглядывалась в полумрак коридора. При виде Коляши ее накрашенное личико радостно просияло, и она кинулась на шею Мыльникову с таким пылом, что Родиону пришлось даже поддержать покачнувшегося друга.

– Колян, ну где ты бродишь?! – воскликнула барышня. – Я уж думала, ты меня кинул!

Мыльников сорвал со своей шеи ее унизанные дешевыми колечками руки и прошипел:

– Отойди, дура! Все дело загубишь!

Родион покачал головой. Он сроду не наблюдал за Коляшей склонности к малолеткам – особенно к малолеткам таким наштукатуренным, таким коротконогим, плотненьким, с довольно обширными «галифе», с трудом вмещающимися в узенькую юбочку. Как многим малорослым мужчинам, ему обычно нравились женщины видные, высокие, с модельной фигурой. Другое дело, что такие бругильды на невзрачного мента не обращали никакого внимания. Вот и приходилось довольствоваться абы кем...

– Где кассета? – продолжал шипеть Коляша, зыряка по сторонам. Однако коридор, еще недавно многолюдный, вдруг очень удачно опустел, так что сцены, компрометирующей любящего мужа и отца двоих детей, никто не мог наблюдать.

Девчонка сунула руку в шуршащий пакет и вытащила ма-

ленькую кассету, какие вставляют в видеокамеры.

– Адаптер? – пряча кассету за пазуху, отрывисто спросил Мыльников.

Девчонка поколебалась, потом с некоторой неохотой вынула из сумки нормальную кассету. Это и был адаптер, с помощью которого можно просматривать видеозапись.

– Только ты мне его потом верни, – прошептала она, с откровенной тоской провожая глазами аппарат, исчезнувший за Коляшиной пазухой. – А то знаю я тебя...

Родион понял, что барышня и впрямь хорошо знала его друга, который относился ко всему попадающему в его руки чужому имуществу, как к вещдокам, которые навсегда остаются в собственности государства. Родион не сомневался, что адаптер барышни канет в Лету.

– Что снято?

– Мы все входим в аудиторию, занимаем места, подходим к столу за билетами, я кладу под бумажки конверт, – старательно нахмутив слишком ярко покрашенные бровки, ответила барышня.

– Снято, как *она* взяла конверт? – азартно спросил Коля.

– Да нет! – с досадой воскликнула его приятельница. – Она сказала Катьке, мол, хватит людей отвлекать, и велела всем сесть на места.

– Черт, жалко! Ну ладно, скажи, что *она* делала, что было снято?

– Как она записывает, у кого какой билет, предупрежда-

ет, что, если заметит, как кто-то списывает, сразу выставит. Можно подумать, сама никогда не была студенткой! Все всю жизнь списывают!

Родион имел на этот счет свое особое мнение, но высказывать его не стал: оно слишком отличалось от общепринятого. Да и не для того его позвал Коля, чтобы языком болтал. А зачем, кстати, его вызвали? Что делать-то надо?

В это время Николай, словно спохватившись, кивнул другу:

– Пошли дальше.

– Латынь еще нужна? – поинтересовался тот.

– Забудем о латыни, – посоветовал Мыльников. – Ты, главное, стой да молчи. Только глазами по деукам (простое слово «девки» Коляша всегда почему-то произносил именно так) не шарь, а соответствуй месту и времени. Рожу скорчи какую надо. Смекаешь?

И Мыльников, не дожидаясь ответа, полетел по коридору к аудитории номер 313, около которой кучковались парни и «деуки» (преимущественно эти последние) с учебниками в руках, изредка обмениваясь фразами, звучавшими не менее загадочно, чем масонские «Иакин» и «Боаз»³:

– Glossitus... haemostasis... otorrhoea... osteotomia... macrocephallia... toxicus...⁴

³ Названия двух столбов в легендарном Соломоновом храме – своеобразный пароль, с помощью которого масоны всего мира могут узнать друг друга.

⁴ Воспаление языка... застой крови... рассечение кости... чрезмерно большая

Родион, конечно, не мог ручаться стопроцентно, однако ему показалось, что это термины медицинской латыни. Никаких тебе высокопарных «veni, vidi, vici!». Все просто: osteotomia – и привет!

Тем временем Мыльников чуть приотворил дверь, и до Родиона донесся страдальческий голос какого-то парня, уныло твердивший:

– Hydrophobia... ну, значит, водобоязнь. Водобоязнь, значит, называется hydrophobia.

– Понятно, понятно, – перебил его раздраженный женский голос – очевидно, преподавательницы, принимающей экзамен. – Я рада, что латинский термин так прочно впечатался в вашу память, но хоть какие-то признаки этой болезни вы можете назвать, кроме hydrophobia? Как в просторечии она называется? Ну, что же вы молчите? Если человека кусает бешеная собака или любое другое большое животное, как называется вызываемая этим укусом болезнь?

«Бешенство, что ли? – подумал Родион. – Наверное. Конечно! А почему этот парень молчит? Не знает таких элементарных вещей и приперся сдавать экзамен!»

– Что же вы молчите? – нетерпеливо сказала преподавательница. – Не знать таких элементарных вещей и явиться сдавать экзамен – это...

Договорить она не успела, потому что Коляша бросил на друга мобилизующий взгляд, выдернул из кармана курточки

краснокожее удостоверение и, пинком отворив двери 313-й аудитории, ворвался туда с громогласным заявлением:

– Отдел борьбы с экономическими преступлениями!

Всем оставаться на местах!

Анфиса Ососкова

Июнь 1995 года, Кармазинка

– Слушай, да ты вся в папашку! Ничего себе игры! Сдурела, никак! Сейчас все тут займется – выскочить не успеешь!

Анфиса испуганно обернулась. В светлом проеме сарайной двери – очертания крепкой невысокой фигуры.

Надька! Нашла-таки, зараза! И ничего, ничего с ней не случилось!

Она перевела растерянный взгляд на бесформенное пламя, которое корчило у ее ног, пожирая остатки жгута соломы и расползаясь по древесной трухе, за много лет щедро усыпавшей пол сарая. Нет, ну правда – зараза Надька! Ничто ее не берет, даже колдовство. Или надо было и впрямь заняться этим в полночь на ущербной луне, поставив рядом с собой две черных свечи? А где их взять, черные-то? В магазине не продают. Не сажей ведь красить. А главное, у Анфисы не хватило терпения ждать ни ущербной луны, ни даже полуночи. За эти несколько часов Надька успеет принять решение, и...

А может, она уже успела?

Эта мысль заставила Анфису оцепенеть.

– Чего стоишь, балда?! – взвизгнула Надя. – Топчи! Топчи ногами-то!

Не вытерпев, она ринулась вперед, оттолкнула Анфису и сама стала затаптывать пламя. На какой-то миг языки огня взвились было над ее проворными ногами, и у Анфисы приостановилось сердце: вот сейчас займется искусственная кожа стоптанных босоножек, потом вспыхнет подол сарафанчика, который тоже отнюдь не «коттон 100%» – и не успеешь моргнуть, как запылывает вся Надюшка до самых кончиков ее темно-рыжих, удивительно красивых волос. Если что и было у нее красивым, то лишь эти волосы, да и те она стригла безобразно, а все остальное – тьфу, смотреть тошно! Не глаза – щелки, не щеки – мячики, не нос – облупленная молодая картофелинка, не ноги – кривульки, не фигура – ровненький обрубочек: что таз, что талия. Ни о каких 90–60–90 тут и речи идти не могло, и все-таки именно Надьке доставалось все, что по праву первой кармазинской красавицы должно было принадлежать Анфисе. Всё и все!

– Эй, ты что, угорела? – Чувствительный тычок в бок заставил Анфису очнуться и с унынием обнаружить, что от огня остались только черные проплешины на утоптанном земляном полу сарая, а пламя уже погасло, не причинив никакого вреда ни Надькиным босоножкам, ни ее сарафанчику, ни чудным рыжим волосам. – Пошли отсюда, ну! Тут и правда угореть недолго.

Надя вытолкала подругу из задымленного сарая, и та на миг захлебнулась свежим влажным воздухом. Над зарослями боярышника, окружавшими старый сарай, сгущалась

мгла, медленно, но верно пожирая мягкую голубизну небес: видимо, собирался дождь.

– Как ты меня нашла? – спросила Анфиса, отводя глаза.

– Искала, вот и нашла. Сначала домой пошла, но батяня твой валяется, как обычно, вдрабадан, его и домкратом не поднять. Я покликкала с крылечка, а потом показалось мне, будто дымком откуда-то тянет, я и наострилась сюда. Смотрю – ты. Слушай, Анфиска, может, у тебя и правда наследственная болезнь? Что ты там жгла, ну что, скажи, пожалуйста? Зачем?

Порыв ветра пронесся над головами, и Анфиса уныло уставилась в землю, словно и ее пригнуло ветром, как стоявшие вокруг деревья.

Никакой наследственной болезни у нее не было, это она точно знала. В отличие от отца, записного пьянчуги и признанного кармазинского сумасшедшего Генки Ососкова, которому врачи в районной психушке поставили редкостный и необычайно красиво звучащий диагноз: пиромания. Это означало: в голове у Генки (его все от мала до велика звали только так, невзирая на более чем полусотню прожитых лет) бегают не простые тараканы, а огненные. То есть он страдает неизлечимой, неугасимой (вот уж правда что!) страстью что-нибудь время от времени поджигать. Поскольку чаще всего эта страсть охватывала его в родном доме, у Ососковых уже не раз вспыхивали пожары. Один из таких пожаров, пять лет назад, свел в могилу Анфисину мать, Зинаиду, которая

не перенесла зрелища горящих – медленно, с наслаждением, одна от другой поджигаемых! – денежных бумажек: последних, оставшихся от Зинаидиной зарплаты. Ну, не было у нее ничего общего с Настасьей Филипповной – что поде-лаешь, не было... Может, второй такой любительницы бро-сать миллионы в огонь и не найти на всем белом свете, кроме как в романе Достоевского «Идиот»! Странно, что сожжение за год до этого хоздвора (дом всем миром удалось отстоять, и теперь к нему примыкали черные обугленные развалины, да и стены избы изрядно прокоптились, кое-где даже пакля выгорела в пазах) не произвело на Зинаиду такого сокруши-тельного впечатления, как, впрочем, и последовавший вскоре пожар в баньке. Но именно эти события надорвали ее ду-шу, надломили – и свели в могилу.

После смерти жены Генка слегка образумился. Во вся-ком случае, он больше не пытался поджечь собственный дом, а избирал для удовлетворения своей маниакальной страсти дачные сараи (в двух верстах от Кармазинки, за станцией, стояли два дачных поселка), баньки и туалеты. На жилые дома руку поднимать боялся: сумасшедший-то он был су-масшедший, однако знал, что за такое дело можно и срок огрести. А баньки, сараюшки – это тьфу, даже если пойма-ют и холку намнут. Переживаемо! Тем паче когда у подо-зреваемого справочка из психушки в кармане, а главное, все окрестные менты его знают как облупленного, понимают, что спроса с Генки нет и быть не может, поэтому тратить на

него время не стоит.

Нет, Анфиса не унаследовала от отца губительной, болезненной мании. Она, можно сказать, даже боялась огня, а если и решила сжечь в сарае соломенную куклу, то лишь потому, что недавно попала ей в руки старая, забытая каким-то дачником на станции газета «Тайная сила», а в ней – статья о том, как сжить со свету свою соперницу. Среди каких-то невысказанных способов (взять земли с кладбища и зашить ей в подол либо подсыпать в пищу, окликнуть соперницу, когда мимо нее будет проходить похоронная процессия, вынуть след из-под правой ноги и высушить в печи, тогда она сама непременно иссохнет) значился один простейший: сделать соломенную куклу (или вырезать бумажную), надеть на нее лоскут от платья злодейки и привязать к голове клочок ее волос. А потом, нарекши ненавистным именем, сжечь куклу где-нибудь в уединенном месте. И тогда пакостницу постигнет внезапная и тайная гибель, причины коей никто и никогда не обнаружит, а путь к сердцу любимого будет расчищен, как дорога для проезда губернаторского кортежа.

Анфиса поняла, что сама судьба дала ей этот совет, потому что обстоятельства складывались самым что ни на есть ужасным образом. Да, она подумала, что судьба и впрямь за нее, а вышло, что и та поступила чисто по-женски, как подруга-предательница. Надо же было, чтобы в самый ответственный момент в сарай ввалилась Надька и сама себя спасла!

У Анфисы от такой неудачи совершенно опустились руки, и она плелась за Надей как неживая, словно сквозь вату слыша ее торопливый, возбужденный голос:

– Я уже даже и бабке сказала. Она с кулаками, а я ей: «Да пошла ты в сад! Живем тут как сельди в бочке, ну сколько можно, товарищ хвашист!» У нее глаза выпали. А я схватила сумочку – и чао, бабина, сорри!

Анфиса пригляделась – и в самом деле, в руках у Надьки потерянная китайская сумка. Чем она ее так набить умудрилась, вещичек-то в наличии раз, два и обчелся? Впрочем, у самой Анфисы и того нет. Что сносилося, что батяня пропил.

– А куда поедешь-то? – спросила она неживым голосом. – Или *он* тебя встречать будет?

– Не-а, ну как тут встретишь, когда я сама не знала, каким поездом приеду? – полуобернулась к ней Надя. – Адресочек дал, заваливайся, говорит, ко мне хоть ночью, хоть утром, хоть днем, какая нам с тобой разница, когда, где и как?..

Она хихикнула, и Анфиса едва не задохнулась от ненависти, потому что сразу поняла, какой смысл вкладывался в это «когда, где и как», и вообразила, как Надька среди ночи (а ближайшая электричка, на которой она может уехать во Владимир, уходит через полтора часа – в восемь вечера, потом два часа в дороге, это будет десять и час – до квартиры) вваливается к Роману, и он открывает ей дверь в одних трусах или в чем он там спит, в пижамных штанах, с голой грудью, весь теплый со сна, нет, горячий, каким Анфи-

са ощутила его только раз, только один раз, после того, как все у них кончилось, не начавшись, и он сразу переключился на Надьку... Бесповоротно переключился, до такой степени, что, уехав из Кармазинки, где был в командировке от своей газеты, не забыл легкий летний роман с деревенской девочкой, а прислал ей письмо, в котором звал к себе, обещал помочь поступить в институт... и сулил, как водится, золотые горы и реки, полные вина. У Анфисы горло пересохло убеждать Надьку, что все кончится именно так, как в этой популярной народной песне:

А мне сказал, стыдясь измены:
«Ступай обратно, в дом отца.
Оставь, Мария, мои стены!» —
И проводил меня с крыльца.

Но Надька только рассердилась:

– Чего пристала, будто банный лист к жопе? Небошь помани он тебя, ты уж понеслась бы как подорванная! Бегом бежала бы впереди паровоза – никакой электричке не догнать. Да только нужна ты ему! Он меня позвал, и я поеду к нему. А ты тут останешься. Хватит нам с тобой друг за дружкой ходить, как нитка за иглой, петь в одну дуду, будто попугай-неразлучники, – пора расстаться задушевым подружкайкам.

Задушевные подружайки... Их так называли чуть не с младенческого возраста, когда Анфиса и Надька, можно ска-

зять, ползали по одной лужайке. В то время Кармазинка еще не обезлюдела, это была приличная деревня с детским садом, ну, понятно, они вместе в садик ходили, потом в школу, и воспитательницы, а за ними и училки вздыхали: до чего, мол, странно девчонки объединяются – если одна хорошенькая, то другая – непременно страшилище, и каково будет страшенькой Надюшке в тени своей подружки, которая еще в детстве обещала стать красавицей и обещание свое не замедлила сдержать?

Но умные люди говорят: не родись красивой, а родись счастливой. Какой перчинки или солинки забыли положить, какой изюминки забыли добавить, когда замешивали тесто для красавицы Анфисы? И каких специй и пряностей, каких ароматических добавок не пожалели для Надюшки, что к ней липли мужики, словно мухи на мед, в упор не замечая длинных стройных ног, тончайшей талии, роскошной темно-русой гривы, огромных серо-зеленых очей и точеного носика Анфисы? Не родись красивой, а родись счастливой... Она была разборчивой, Анфиса, она училась да училась, ей наплевать было на убогих кармазинских кавалеров, которые зимой протапывали тропки в сугробах, а летом – в крапиве к окнам Надюшки. «Мне эта деревенщина и даром не нужна!» – косоротилась Анфиса, никогда слыхом не слыхавшая про лисицу и зеленый виноград, тем паче – про Эзопа. «Принца ждешь? – ехидничала Надька, утирая губы, подпухшие после стараний очередного кавалера. – Ну, жди, жди. А

я с Васькой на речку пойду!» Недаром ее фамилия была Гуляева. Красивая фамилия. Не то что у Анфисы – Ососкова. Какая фамилия, такая и судьба!

Ну, ждала она, ждала своего принца... Увидев Романа, подумала: ну вот и дождалась! А уж когда на дискотеке в станционном поселке он пригласил ее танцевать и потом пошел провожать и поцеловал на прощанье – это был первый в Анфискиной жизни поцелуй! – она уже не сомневалась: сбылась сказка! Но мало, видать, сказок она прочла, не знала, что в некоторых из них чокнутый принц вдруг увлекался не принцессой, а какой-нибудь замухрышкой-золушкой...

Следующим вечером Роман танцевал с Надей, и следующим – тоже, и потом, и после. Анфиса словно бы умерла – он ее в упор не видел, лишь изредка скользил по ней тусклым взглядом и отводил глаза, которые жарко, бесстыже вспыхивали, стоило лишь им упереться в Надюшкину неуклюже вытесанную фигурку. И так было все две недели, пока Роман прожил в Кармазинке. Ему дня хватило, что собрать материал для редакционной статьи, но он – это ему было понятно – нарочно тянул время, не желая расставаться с Надей, мотался по окрестностям, «изучал положение» в соседних деревнях, таких же опустелых, как Кармазинка, таких же заросших сорной травой и забытых богом и людьми, и всюду с ним была Надюшка, он ни на шаг ее от себя не отпускал! Анфиса же для него словно бы умерла. Не передать, как она мучилась, сколько слез выплакала, правда, потом малость вос-

прянула, когда Роман уехал-таки наконец («Ну, коли мне он не достался, так и она его не получит!»). И вот пришло это письмо...

Пришло письмо, и сегодня Надька уезжает к Роману!

Родион Заславский

Январь 2001 года,

Нижний Новгород

Родион замешкался в дверях, однако сзади кто-то прошипел: «Иди, чего стал!» – и чувствительно подпихнул его в спину, заставив тоже оказаться в аудитории. Он оглянулся в поисках добровольного помощника и очень удивился, обнаружив ту самую коротенькую барышню, которая передала Коляше видеокассету. По лицу ее текли хорошенькие аккуратные слезки, ротик был сложен в жалобное «О», а ручонки тискали насквозь мокрый носовой платочек.

Она плавно обогнула вконец оторопевшего Родиона и внедрилась в аудиторию.

Сразу было видно, что здесь сдают экзамен. Пять столов, за четырьмя сидят студенты, за одним, что возле двери, – преподавательница. На ее столе разложены бумажные белые квадратики: билеты, тут же блокнот, еще какие-то бумаги, ручка, ведомость.

Напротив училки сидел пятый студент и откровенно маялся отсутствием знаний. Он со страшной силой тискал свои руки, словно надеялся выдавить из них ответ, подобно тому как Мальчик-с-пальчик выдавил воду из сыра, уверив великанов, что выжал ее из камня.

Унылая физиономия молодого человека оживилась при появлении незваных гостей, а утомленное лицо преподавательницы выразило безмерное изумление. Она уставилась на Мыльникову, и Родион понял, что молодая женщина откуда-то знает его друга.

Коляша укоризненно покачал головой:

– Так-так... вот, значит, что тут у нас! Вот, значит, кто тут нарушает закон! Гражданка Еремеева Ольга Михайловна? Узнали меня? Или успели забыть? А вот я вас отлично помню. Правда, не поверил своим глазам, когда увидел именно вас в этой аудитории. Налицо рецидив, так получается?

Лицо преподавательницы вспыхнуло, глаза гневно сузились, но голос звучал спокойно, не сказать – надменно:

– Вообразите, я вас тоже помню. Николай Николаевич Мыльников, не так ли? Зачем вы здесь? В каком деле я замешана? Какой еще рецидив?

– Поступила информация о получении взятки, – пояснил Николай Николаевич Мыльников. – О вымогательстве одной со студентки Зыряновой Натальи, а также о получении непосредственно на экзамене, то есть сегодня. Что ж вы так неосторожны, Ольга Михайловна? Хоть бы прибрали денежки.

С этими словами он осторожно, двумя пальчиками вынул из-под стопы бумаги простенький белый конвертик без марки, сложенный вдвое, и повертел его перед глазами Ольги

Михайловны Еремеевой. Открыл, заглянул, хмыкнул:

– Ага, деньги, значит, приняты. Позвольте вашу сумочку, Ольга Михайловна.

И сам взял потертую коричневую сумку, повешенную на спинку стула. Неторопливо расстегнул «молнию», заглянул внутрь, поморщился:

– Эти мне женские сумки... Черт ногу сломит. Дайте-ка газетку, тут надо все аккуратно выложить, с описью, а то потом скажете, что Мыльников украл из вашей сумки фамильные драгоценности.

Преподавательница окинула взглядом студентов, словно приглашала их разделить с ней отупелое изумление. Те были откровенно ошарашены, только два лица имели другое выражение: красивый смуглый юноша смотрел с неприкрытой тревогой, а худенькая девушка с гладко причесанными волосами – исподлобья, злорадно.

Мыльников продолжал копаться в вещах Еремеевой, и та бурно возмутилась:

– Да вы спятили! А ну, положите сумку! Вы пьяны? Пошли вон, быстро! Врываетесь в аудиторию, несете какую-то чушь, не даете продолжать экзамен... – Она задохнулась от гнева.

– Экзамен придется остановить, – констатировал Мыльников и вкрадчиво продолжил: – А вот и пятисотрублевая бумажка. Надо думать, та самая. Не осложняйте свое положение, Ольга Михайловна. Факт дачи взятки зафиксирован

на видеокассету.

– Это мои деньги! Мои собственные! – выкрикнула Еремеева с прежней лютостью – и вдруг запнулась: – На какую еще видеокассету? Как на видеокассету? Но ведь...

Она оглянулась на ту самую тощую долговязую девицу, на лице которой Родион заметил выражение злорадства. Девушка обладала косой, которая была переброшена на ее плоскую грудь. Коса вполне соответствовала своей хозяйке: тоже была очень длинной и очень тонкой. Создавалось впечатление, что на ее плече сидит крыса, спрятавшись за голову девушки и свесив облезлый хвост, а может, через это плечо перекинута змея.

Девушка с крысиным хвостом разместилась за самым дальним столом. Родиону было отлично видно, что на ее острых коленях лежит учебник, из которого девушка только что списывала. Теперь, когда все внимание обратилось на нее, она замерла, судорожно стиснув коленки: она не могла ни встать – учебник упал бы, ни убрать его – это все заметили бы. А на столе девушки лежала... видеокамера!

Так вот кто был дерзким корреспондентом, зафиксировавшим «факт дачи взятки», сообразил Родион. И у него мелькнула еще какая-то мысль, но тотчас упорхнула, спугнутая умоляющим голосом Еремеевой.

– Катя, – проговорила та, – но вы же сказали, что просто хотите сделать сюрприз кому-то... просто студенческие будни... родителям показать... Как вы могли так со мной посту-

пить? За что?

Красивый смуглый мальчик дернулся, даже привскочил, словно хотел что-то сказать, но тут же плюхнулся обратно на стул, промолчал. Его яркие глаза, чудилось, так и метались по аудитории, и, когда он на мгновение случайно встретился взглядом с Родионом, тот едва не вскрикнул, настолько напряженным был этот взгляд. Словно удар тока!

– Сюрприз налицо, – жестко сказал Коляша Мыльников. – Сюрприз предназначался вам, Ольга Михайловна, – вы его и получили. Но к студенческим будням дача взятки не имеет отношения. Это скорее праздники... для нас, сотрудников милиции, которым удалось схватить за руку рецидивистку.

Ольга Михайловна посмотрела на свою руку и спрятала ее за спину – видимо, на всякий случай, чтобы швыдкий опер и в самом деле в нее не вцепился.

– Погодите, – сказала она, утомленно прикрыв глаза. – По-вашему, получается, что я принимала взятку и в это же самое время с радостью позировала перед видеокамерой? Я что же, вообще идиотка, по-вашему?

Родион невольно кивнул. Нет, насчет идиотки он был в корне не согласен. Просто Еремеева словами выразила ту самую мысль, которая только что металась в его голове.

– Вы не могли даже вообразить, что Зырянова решится передать вещдок в милицию, – пояснил Мыльников. – К тому же вам и раньше была свойственна этакая наглость, бравада, не побоюсь этого слова. Я отлично помню, как вы

неосторожны, способны рискнуть всем ради какой-то ерунды. Пятьсот рублей – это такая малость! Кстати, почему именно эту сумму вы назвали студентке Зыряновой? Что-то она мне до боли напоминает. У вас какое-то патологическое пристрастие к этой цифре, не так ли?

– Прекратите, вы... – Еремеева махнула на него обеими руками и внезапно замолчала.

Мальчик резко подался вперед, его щеки так побледнели, что отчетливо стали заметны три родинки – одна над другой.

Рядом с Родионом кто-то громко вздохнул. Он покосился – ах да, это же студентка Зырянова, невинная жертва... Ишь как переживает!

Странно, Зырянова во все глаза смотрела не на вымогательницу Еремееву, а на этого смуглого парнишку. Ну что ж, юноша вполне заслужил такое внимание, потому что, даже на мужской, неприязненный взгляд Родиона, был поразительно хорош собой. И он явно волновался – может быть, он единственный в этой аудитории искренне переживал за судьбу преподавательницы.

– Встаньте, Ольга Михайловна, – склонился над ней Коляша Мыльников. – Сидеть вам придется в другом месте. А теперь пройдемте-ка. Внизу машина. Расходитесь, товарищи.

– Экзамена, что ли, не будет? – доехало наконец до студента, чей ответ был прерван вторжением представителей закона. – Приветик! Я ж почти все ответил. Вы мне хоть «удочку» поставьте, Ольга Михайловна!

– Да вам и «неуда» будет много при вашем знании предмета, – автоматически ответила Еремеева, а потом растерянно обвела глазами аудиторию. – Прощу меня извинить... Я не понимаю, что происходит, но, кажется, придется перенести экзамен. Потом... через какое-то время...

Она говорила вроде бы всем, но Родиону почему-то показалось, что она обращается только к тому парню. Темные губы его дрогнули, словно он хотел ответить, однако все же промолчал.

– Лет через пять тире семь, согласно статье, и это как минимум, – любезно подсказал Коляша Мыльников, с явным удовольствием наблюдая, как Еремеева откидывается на спинку стула и начинает хватать ртом воздух.

Юноша с темными бровями снова вскочил – и сел, по-прежнему не сказав ни слова.

– Да вы что, дяденька? Мы к тому времени уже институт кончим! Забудем на фиг всю эту чушь про mastectomia, proctopexia или какую-нибудь dyskinesia ⁵, – завопили наперебой студенты. – Пусть нам хоть что-нибудь поставят, хоть «уды», что ли!

– Это было бы справедливо, – задумчиво пробормотал Мыльников. – Учебный-то процесс не должен страдать. Как вы думаете, Родион Петрович?

Тот пожал плечами. Больше всего ему хотелось сейчас

⁵ Удаление молочной железы, фиксация прямой кишки при ее выпадении... расстройство координированных двигательных актов (*лат.*).

плюнуть – физически, прямо на пол, или в крайнем случае, чтобы не пачкать пол, – на темно-коричневый башмак товарища Мыльникова и убраться отсюда. Что, Колька не мог взять с собой кого-нибудь из своих парней? Неважно, что суббота – в отделе непременно кто-то да есть. Нет же, потащил с собой приятеля, который чувствует себя дурак-дураком: опер не опер, понятой не понятой. Вдобавок его не оставляло ощущение, что он вляпался в какую-то пакость.

– Родион Петрович со мной совершенно согласен, – очень своеобразно истолковал его молчание Коляша. – Итак, молодежь, кому нужны тройки?

Все стремительно вскинули руки.

– Ага, зачетки на столе. – Мыльников снял колпачок с ручки и протянул ее преподавательнице. – Соблаговолите, Ольга Михайловна...

– Зачем я буду осложнять свою судьбу? – пожала та плечами. – Вы мне еще какую-нибудь статью пришлете. Превышение полномочий, или использование служебного положения в личных целях, или еще что-нибудь, черт вас разберет, вы ведь большой мастер раздувать мыльные пузыри, товарищ Мыльников!

От этого злобного каламбура, а еще пуще – от взгляда, брошенного Ольгой Михайловной, любой бы задымился и съезжился, словно от нескольких капель соляной кислоты, однако товарищ Мыльников был не таков. Гвозди бы делать из этих людей!

– Отлично, – не моргнув глазом кивнул он, – тогда собирайте вещички и пройдемте. О том, что экзамен прерван милицией, мы сообщим в деканат.

– А оценки? А наши «удочки»? Когда же?.. Как же?.. – опять завопили студенты.

Губы Еремеевой задрожали, она растерянно заморгала, но тотчас глаза ее встретились с обжигающими черными глазами того смуглого юноши, и Родион просто-таки физически ощутил, как Ольга Михайловна взяла себя в руки.

– По всем вопросам к декану. А что касается вас, Катя, – оглянувшись она на девицу с крысиным хвостом, – полагаю, вы сдадите латынь не раньше чем через пять тире семь лет. И это как минимум.

– Так, угроза свидетельнице преступления! – констатировал Мыльников. – Вы все же решили осложнить свое положение еще одной статьей?

Не удостоив его ответом, Еремеева подхватила сумку и вышла из аудитории так стремительно, словно решила осложнить свое положение еще и попыткой к бегству. Мыльников и Родион ринулись за ней, и со стороны, наверное, это выглядело не как сопровождение задержанной нарядом милиции, а просто как безуспешная попытка двух незамысловатых мужичков догнать красивую, неприступную и весьма разгневанную даму.

Выходя из аудитории, Родион невольно обернулся. Смуглый парень смотрел вслед уходящим, небрежно заталкивая

в сумку свои вещи. По обе стороны стола навтыяжку, словно часовые, застыли Наташа Зырянова и Катя Крысиный Хвост и так и ели красавчика обожающими взглядами. Вдруг он отшвырнул сумку и кинулся к выходу. Девчонки проворно схватили его за руки, а Родион, сам не зная почему, резко шарахнул дверью о косяк.

– Коляша, что происходит? – чуть слышно пробормотал он, нагоняя Мыльникова. – Ты во что меня втравил?

– Молчи, дурак! – выдохнул Николай, и Родион поразился ошалелому, азартному, никогда прежде не виданному блеску его желтых кошачьих глаз. – Я и сам не знал... Бывает же такая везуха! Знаешь, кого мы сегодня поймали на горяченьком? Ту самую мегеру из Фонда занятости, которая меня начальству заложила! Помнишь, я тебе рассказывал? Ну, теперь она у меня попляшет...

Егор Царев

Май 2001 года, Агадир

Интересно, свежий мужик при ней или старый? Ну, в смысле, завела Надюша нового любовника или в наличии тот же самый, о котором она говорила тогда, два года назад? Чтобы захомутать его, она готова была на все: истратить кучу денег, чтобы приехать из родимого города Северо-Луцка в Нижний и сделать тату у знаменитого Гоши Царева по прозвищу Гашиш, а когда вышеназванный Гашиш чисто в пристрелочных целях обмолвился, что самые лучшие тату он делал для тех женщин, с которыми его соединял пусть даже кратковременный интим, Надюшка отдалась ему прямо на рабочем столе, даже не позаботясь раздеться, тем паче что она и так возлежала без трусиков, подставив роскошную попу с причудливым родимым пятном умелым (и похотливым, надобно сказать!) рукам маэстро.

В нем, в этом пятне, и была вся незадача. В ту пору как раз вошли в моду трусики «тангос», которые, как известно, оставляют женские бедрышки сзади практически голыми, но, когда у дамы на этом самом месте налицо ошибка природы, о каких «тангос» может идти речь? Тут впору паранджу на попку надевать! Пятно было просто уродливым, даже Егор, профессионал и практически врач, мысленно по-

морщился, а что делалось со всеми остальными мужиками, которые в массе своей не в меру брезгливы? Понятно, что девушка захотела избавиться от страшной метки.

Егор сразу спросил: «К косметологам, хирургам обращайтесь?» Она печально кивнула. Ну, он и так знал, каким был ответ этих косметологов: подобные пятна невыводимы, они по своему происхождению сродни рожистому воспалению, удалять их даже лазером – подвергать пациента неоправданному стопроцентному риску. Видимо, помирать Надюше не хотелось, ей хотелось жить, любить и пользоваться всеми теми благами, которыми ее мог обеспечить богатый и щедрый кавалер, вдруг появившийся на ее горизонте. Правда, он был, как водится, женат, однако, во-первых, кто сейчас не женат, а во-вторых, его забытое семейство обитало в каком-то другом городе, не в Северо-Луцке, Надюшка даже не знала, где именно. То есть не узами брака, но узами любовными она могла бы связать желанного, кабы не пятнышко на попе...

Конечно, Гашиш сделал все, чтобы девушке помочь. Пятнышко было неприглядным, конечно, но только не для наметанного взгляда профессионала. Егору оно сразу напомнило голову и торс коня. Имелись даже поджатые задние ноги – ну, скажем, некий намек на них. И отчего-то возник в его воображении придуманный древними греками крылатый конь – Пегас. Егор где-то читал, что он возродился из туловища жуткого чудища – Медузы Горгоны, той самой, которая од-

ним своим взглядом каждого-всякого могла обратить в камень. Потом этот Пегас совершал какие-то подвиги вместе со своим хозяином Беллерофонтом и даже вышиб копытом источник поэтического вдохновения на горе Геликон, но это уже не суть важно. Главное – чудесный конь появился от чудовища. Уродливого, еще похлеще пятнышка на Надюшиной попке. Что-то было в этом совпадении! И Егору не составило труда сначала нарисовать, а потом вытатуировать рыжего коня (пигментация, делавшая пятно поистине жутким, выглядела естественно и просто-таки неотразимо на крупе коня) с большими белыми крыльями, не то скакавшего, не то летевшего, согнув передние ноги и чуть наклонив удлиненную, чуточку щучью, как у настоящих арабских скакунов, голову.

Сказать, что Надюша была в восторге, значило ничего не сказать. Особенно когда после третьей коррекции проявились все краски и полутона, рисунок обрел четкость и законченность. Надя обцеловала Егора сверху донизу, она извертелась перед зеркалом, разглядывая свой обновленный зад, заставила несколько раз сфотографировать себя в разных позах – вид сзади, понятное дело, – и наслаждалась этими фотками с таким же кайфом, с каким, помнил Егор, сокамерники наслаждались его ремеслом – порнографическими рисунками. Она сказала, что Гашиш вернул ее к жизни, избавил от невыносимого числа комплексов, что теперь удача ей обеспечена, а за такую красоту не жаль никаких денег, не только

той дурацкой суммы, которую он называл...

Кстати, о деньгах. Егор от них отказывался совершенно искренне, но Надюша непременно желала расплатиться, настаивала чуть ли не со слезами, и он согласился, конечно, а когда дошло до дела, выяснилось, что у нее с собой только пятьсот рублей.

«Вот же я дурища беспамятная! – схватилась за голову Надюшка. – Ну где были мои мозги! Слушай, возьми пока эту пятисотку, а завтра я схожу в банкомат и принесу остальные. Сегодня-то уже поздно, но мы же увидимся завтра, да, Гашиш? Обязательно увидимся?»

«Конечно, само собой!» – ответил он, чуть не ужасаясь тому, что может быть иначе. И не ради денег, плевать ему было в ту минуту на деньги, он боялся потерять эту женщину...

Однако она ушла – и больше не появилась. И денежки оставшиеся, совсем даже не маленькие, не вернула, они так и канули в Лету... Кто не знает, это речка такая была в той же Древней Греции, выпьешь водички из нее – и все, готов, забыл все на свете, кто ты есть и что было с тобой. Но Егор долго не мог напиться из той реки: все вспоминал и вспоминал Надюшку как последний дурак. Никак не хотел поверить, что она его вульгарно кинула, думал, вдруг случилось с ней что-то, а потом решил в гостиницу позвонить – и узнал, что она уехала в тот же вечер, когда они расстались. То есть, уходя от него, красотка уже знала, что видит его в

последний раз, что никакого завтра, о котором она так ласково спрашивала, у них не будет. Небось у нее и вещички были уже упакованы!

Ольга Еремеева

Январь 2001 года,

Нижний Новгород

Она так и не поверила до конца, что уже свободна. Выскочила из 313-го кабинета, пронеслась вниз по узкой лестничке, с трудом попадая ногами на ступеньки и заносясь на поворотах, промчалась мимо дежурного, уже в дверях ощутив, как ее бросило сначала в жар, потом в холод: а вдруг он остановит беглянку, вдруг потребует какой-нибудь документ на выход, какой-нибудь пропуск, «выпуск»? Наверное, Мыльников не отказался бы выписать ей какую-нибудь такую бумагу, он ведь совершенно определенно проворчал, что больше ее не задерживает, но вернуться туда, предстать перед ним в роли униженной просительницы... Нет, ни за что. Лучше уж она будет с боем прорываться на свободу, даже драться будет! И пусть ее задержит дежурный и посадит в какое-нибудь КПЗ или как там это называется, «обезьянник», что ли, вместе с наркоманами, проститутками, пьяницами и хулиганами. Тогда она хоть за дело пострадает: за то, что оказала сопротивление при задержании. Но – за дело! А не так, как на экзамене...

До нее вдруг совершенно отчетливо дошло, что экзаменов ей больше не принимать. Как, впрочем, и зачетов. Лекций

не читать, семинаров по практической ветеринарии не вести. Словом, в академии ей больше не работать. Потому что теперь она не могла найти в себе сил – явиться к декану объясняться, после того, как ее уводили из академии буквально под конвоем этих двух поганцев, с таким жутким скандалом. К декану в кабинет даже заходить не понадобилось – он встретился ей в коридоре. Кто-то поспешил донести о случившемся, причем донести в самой мерзкой форме, потому что декан сразу обрушился на Ольгу с криками-воплями, как будто всю жизнь тренировался, чтобы покричать на нее. Он был, впрочем, человек взрывной, это все знали, и уживались с ним по принципу: «Поорет и успокоится, главное – не обращать внимания», и Ольга раньше тоже придерживалась этого принципа, а тут вдруг начала что-то лепетать, пытаться оправдываться, твердила, что ничего не брала, никакой взятки, знать о ней не знала и ведать не ведала, ни сном ни духом... ни вью, ни коню, как смешно говорят в таких случаях французы... То есть началось это оправдательным лепетом, а закончилось ужасными криками. Ольга утратила всякое самообладание; они с деканом орали друг на друга, войдя в истерический раж, и не услышать их мог разве только глухой, но ни одного, судя по всему, глухого не было в собравшейся недоумевающей, хихикающей толпе студентов и преподавателей, из которой ее с изрядными усилиями вытащили-таки два негодяя в кожаных куртках, чтобы проволочь под белы ручки до выхода и втолкнуть в машину, запрыг-

нуть туда самим и ударить по газам.

За руль сел этот негодяй Мыльников и нарочно ехал так, чтобы машину посильнее трясло. Другой негодяй сидел рядом с Ольгой и почему-то все время заглядывал в ее лицо своими голубыми глазами. От потрясения с ней сделалось что-то вроде шока, в глазах темнело, и лицо второго негодяя то проваливалось в какую-то вязкую серую мглу, то выплывало из нее, и тогда Ольга вяло удивлялась, почему у него такое растерянное выражение. Наверное, этот негодяй был еще начинающий, непривычный, вот Мыльников – это да, железный Феликс без страха и упрека, холодная голова, холодное сердце, холодные руки... и ноги, наверное, у него тоже холодные, как у покойника. Впрочем, насчет Мыльникова не факт, это Ольга была вся холодная, как покойница, ее так трясло, что в конце концов голубоглазый негодяй не выдержал и неловко закутал ее в какую-то шубку.

От ощущения мягкого меха, прильнувшего к щеке, Ольге почему-то стало легче, спокойнее. Она ощупала шубку и догадалась, что это ее собственная. И тотчас всплыло смутное воспоминание: вот ее запихивают в машину (в эту самую потрепанную «Волгу», где она сейчас сидит), а кто-то бросает ей на колени шубку. Она тогда об этом мгновенно забыла, а сейчас вспомнила. Вспомнила темнобровое юношеское лицо с тремя родинками на смуглой щеке, которые почему-то казались Ольге похожими на созвездие Пояс Ориона. Вспомнила эти длинные, ненатурально длинные ресницы

над такими же ненатурально красивыми глазами.

Денис, это Денис. Ну да, именно его группа сдавала сегодня экзамен в 313-й аудитории. То есть все это происходило при нем... Теперь и Денис думает, что она взяточница, преступница? Теперь и он ее презирает?

Но в его взгляде не было презрения, была только бесконечная тревога. Темные, четко вырезанные губы шевелились, словно юноша пытался что-то сказать, однако разобрать слов Ольга не могла, но все же ей стало чуточку легче оттого, что он смотрит на нее без отвращения, с прежней нежностью, оттого, что позаботился о ней, вот шубку принес... В те мгновения, когда весь мир ополчился против нее, когда все вокруг смешалось в каком-то хаотическом безобразии, Ольга отыскивала привычное успокоение в этом обожающем взгляде и даже попыталась улыбнуться в ответ. Но улыбка только зародилась – и сразу умерла на ее дрожащих губах, потому что рядом с Денисом возникла женская фигура и оттерла его в сторону. Ольга с усилием сообразила, что это была студентка Зырянова – та самая Наташа Зырянова, у которой преподавательница Еремеева якобы вымогала взятку и даже вымогла-таки.

Вымогла... можно так сказать или нельзя? До чего же нелепое словечко! Вымогла взятку!

Ольга откинулась на спинку сиденья и принялась смеяться. Сначала тихонько, а потом все громче и громче. Голубоглазый негодяй стал смотреть на нее, словно пытаясь понять

причину ее веселья и разделить его с Ольгой, но, кажется, никак не понимал, а потому и не смеялся. А вот на физиономии обернувшегося негодяя Мыльникова была написана откровенная ненависть.

– Смееетесь? – спросил он каким-то скрипучим голосом. – Надо мной смеетесь? Ну, хохочите, хохочите. Думаете небось, как в первый раз вам удалось избежать заслуженного наказания, так и теперь избежите? Ничего не выйдет! Теперь-то я на вас найду управу! Так что пока продолжайте, смейтесь!

– Угомонись, Николай, – негромко посоветовал голубоглазый негодяй. – Не видишь, что ли, женщина не в себе? У нее же истерика!

– Истерика? – В глазах Мыльникова вспыхнул злорадный огонек. – Да сколько я ее помню, у нее вечно истерика. А знаешь, какой лучший способ остановить истерику? Дать по морде раз-другой. И как рукой снимет!

– Да ты спя-ятил? – растерянно протянул второй негодяй, но Мыльников не унимался:

– Сам лечить будешь или я? Давай лучше я!

Тут затуманенное сознание Ольги начало наконец реагировать на происходящее. После того как Мыльников ударит ее, останется только убить кого-то: или его, или себя.

Она зажала рот ладонью и что было силы вцепилась зубами в эту ладонь. На глазах выступили слезы, но боль мгновенно ее отрезвила. Тело еще вздрагивало, но дурацкий хо-

хот перестал рваться изо рта.

– Полегчало? – с явным разочарованием спросил Мыльников. – Тогда выходим. Приехали!

Ольга посмотрела в окно, увидела, что автомобиль остановился напротив кирпичного невыразительного здания с высоким крыльцом, разглядела вывеску у двери, на которой значилось, что здесь размещается отделение милиции Советского района, – и у нее снова началось какое-то помутнение сознания. Она не помнила, как вошла в здание, как поднялась по лестнице. Очнулась, когда Мыльников своим ключом отпирал дверь с цифрой 313.

На мгновение мелькнула бредовая мысль, что они вернулись в ту же самую аудиторию, где она сегодня принимала экзамен и откуда ее увели эти два негодяя. Почудилось даже, что вот откроется дверь – и она наткнется взглядом на ожидающий взгляд Дениса. Так было всегда: сначала этот напряженный взгляд, потом такое облегчение в глазах, словно Денис уже не верил, что Ольга придет, и теперь не мог сдержать счастливой улыбки...

Дверь распахнулась. Это была никакая не аудитория, а маленькая комнатка с узким окошком, двумя столами и втиснутым в угол сейфом. Здесь было так тесно, что край письменного стола упирался сидящему в живот, а посетителям приходилось, скособочившись, усаживаться в угол, под низко свесившимися плетями буйно разросшейся традесканции.

И Ольга вспомнила эту комнату, вспомнила, как она была

здесь всего пару месяцев назад, в начале декабря прошлого года, как сидела вот в этом углу, периодически смахивая эту чертову традесканцию с лица, и думала, что это сродни китайской пытке, при которой человеку на голову капает вода, пока он не сойдет с ума. Наверняка вызванных на допрос сажают под этот назойливый цветок затем, чтобы они теряли душевное равновесие и никак не могли сосредоточиться, отвечая на вопросы следователя, несли бы всякую чушь, путались бы в ответах на простейшие вопросы.

Вот и Ольга путалась.

Валентина Абдрашитова

Январь 2001 года, Северо-Луцк

Поезд в Северо-Луцк приходил в полдень, и Валентина, которая всегда просыпалась ни свет ни заря, измаялась до полного изнеможения. Было ужасно жаль этого впустую уходящего времени. Попутчики отсыпались чуть не до десяти, в купе царила темнота из-за опущенной шторы. Валентина – женщина деликатная, ей было неловко скрипеть шторой, шуметь, возиться, даже чай пить, хотя чаю очень хотелось. Она лежала, пытаясь снова уснуть, но была слишком взбудоражена мыслями и надеждами. Если ночью глаз не могла сомкнуть, то разве забудешься утром, когда вся напряжена в ожидании приезда?

Она встала, неслышно оделась, сходила умыться, торопя время, но оно еле ползло. Валентина решила не возвращаться в купе, пока не поднимутся попутчики, и встала у окошка в коридоре, снова и снова прокручивая в голове план действий и мысленно проверяя, все ли документы захватила. Паспорт – в паспорте штамп о бракосочетании с Абдрашитовым Алимом Минибаевичем – и свидетельство о браке, и свидетельства о рождении Александра Алимовича и Никиты Алимовича Абдрашитовых, своих ребятишек, Валентина тоже прихватила. Неведомо, понадобятся ли их метрики, глав-

ное – свидетельство о браке! Какое все-таки счастье, что она оказалась такой терпеливой, что не поддалась в свое время обиде на неверного мужа, который сгинул невесть куда, так что ни слуху от него не было, ни духу, ни алиментов на двоих ребятишек. Томка Крутикова говорила: «Разведись, найди себе путевого мужика, ну ведь жизнь попусту проходит, уж сколько лет одна да одна!»

Уж кто бы говорил, только не Томка Крутикова, чей муж Василий сам ушел из дому! Правда, Васька семью не совсем бросил: регулярно присылал денежки и очень редко – скупые, из трех строк, письма, судя по штампам на конвертах, из Северо-Луцка. В адресе отправителя всегда было написано: «Главпочтамт, до востребования», так что, где он конкретно жил, чем занимался, все было покрыто мраком неизвестности. Томка сначала жутко бесилась, все порывалась съездить в Северо-Луцк и там чуть ли не с милицией разыскать своего благоверного. Однако тут Васька стал присылать очень хорошие деньги, и у Томки, которая по гороскопу была Телец, а значит, отличалась трезвостью и рассудительностью, хватило соображения не рубить сук, на котором она с дочками сидит. Пускай Васька погуляет на просторе, пускай перебесится – все равно вернется в семью, потому что так любить дочек, как любил он своих, не всякий может. Затоскует, воротится, уверенно говорила Томка, и она оказалась-таки права: Васька и впрямь вернулся две недели назад после более чем двухлетнего отсутствия.

Но Валентина доподлинно знала, что причиной его возвращения была вовсе не воскресшая любовь к семье. Хоть все эти две недели и тетешкал он своих девчонок пятнадцати и тринадцати лет на коленях, словно малолеток, хоть Томка стыдливо опускала глаза и надевала не любимые ею свитера с высоким воротом, чтобы скрыть следы жарких Васькиных поцелуев, но все равно – причина его возвращения крылась в другом. По пьяной лавочке он сам признался Валентине: вернулся-де потому, что около полугода назад умер Алим.

Умер Алим!.. Валентина даже сама изумилась тем горючим слезам, которыми она вдруг залилась. Все прошло, все давно изболелось, она не испытывала к непутевому мужу даже ненависти, осталась лишь обида на него, и то – не за себя, брошенку, а за мальчишек, которые росли без отцовской заботы. Но все-таки Алим был ее муж, все-таки она его когда-то любила, от него родила сыновей, его когда-то ревновала и ждала, втайне от всех надеясь на его возвращение: вот он приползет на коленях и заплачет... Теперь плакала она сама, оплакивала бывшую любовь и несбывшиеся надежды, так горько и долго плакала, что очень не скоро до нее дошла связь между возвращением Васьки и известием о смерти Алима.

Получалось – что? Получалось, Васька знал, где последние годы жил Алим! Знал, однако держал это втайне не только от Валентины, что вполне объяснимо, но даже и от законной жены. Неужели Алим скатился в такие бездны, что Вась-

ке даже стыдно было о нем упоминать в своих редких письмах? Но теперь-то можно рассказать!

Она утерла слезы и начала расспрашивать. Васька сперва пыхтел, отмалчивался, потом его прорвало, и тут Валентина поняла, что испытывает человек, которого внезапно бьют по голове тяжелым предметом.

Анфиса Ососкова

Июнь 1995 года, Кармазинка

– Да ча́пай ты поскорей, сейчас дождь ударит, – донесся до нее раздраженный голос Надьки.

Анфиса подняла голову, огляделась. Она так глубоко задумалась, что и не заметила, как они дошли до моста через Кармазинку. Деревня осталась позади, за рощей, которая раньше была реденьким парком, а теперь по причине безлюдья оживилась, разрослась и грозила вскоре сделаться настоящим лесом. Отсюда, от реки, потемневшая роща казалась большой черной тучей, возлегшей на крутояре. Вообще все смерклось вокруг. Наконец-то собралась гроза: тучи уже неделю стадами бродили над Кармазинкой, раздувались, темнели, набухали влагой – и вдруг исчезали с небосклона, словно отправлялись искать счастья где-то в других краях... куда сейчас отправится Надежда. Но вот они вернулись, чтобы пролиться наконец обильным дождем.

«Говорят, дождь в дорогу – к удаче», – вспомнила Анфиса, и сердце ее сжалось. На лице она ощутила влагу. Что, уже начинается ливень? Нет, это только слезы, ее слезы...

– Анфиска, ты что? – Надежда наконец соизволила обернуться и увидела лицо подруги. И даже остановилась. – Да ты ревешь, никак? Ты – ревешь?!

Анфиса сжала губы, стиснула руки в кулаки. Никто и никогда не увидит, как ей плохо! Никто и никогда – тем более проклятая Надька, которая забрала у нее любимого.

Она молча уставилась в свинцовую воду, кипевшую во-круг свай старого моста. Кармазинка – речка тихая и приветливая, при погоде лежит-расстиляется, словно серый шелковый плат, мрачнеет и злится только под ветром, но вот здесь, около моста, и в ясную пору, и в ненастье живет бучило – так бабки говорят, а на самом деле здесь омут, из которого никто и никогда не выбирался. Анфиска раньше удивлялась: отчего мост, по которому люди ходят, поставили в самом глыбком и опасном месте – а вдруг упадет кто? Но старые люди знали, что прежде строительства моста вся Кармазинка была безопасная, а потом, как вбивали в дно сваи, что-то в речке испортилось, завихрилось, словно бы от обиды, как обижается всякая природа, когда ее слишком грубо касается человек.

Случалось, тонули в Кармазинке – ну, понятно, утопленник рано или поздно всплывал. Но никому из тех, кого затягивало бучило, выплыть не удавалось: ни живому, ни мертвому. Детвора пугала друг друга не страшилками про черную-пречерную гору, на которой стоит черный-пречерный дом, а там черный-пречерный мертвец кричит: «Отдай мое сердце!», – а рассказнями про бучило, которое клубится до самой земной сердцевины, и там собираются все не всплывшие утопленники – люди и животные. Да, это было одно из

самых жутких воспоминаний Анфисиного детства – как на ее глазах корова (стадо гнали с пастбища на противоположном берегу) вдруг чего-то испугалась, проломила хлипкие перила и рухнула в воду. Пастух (на должность удалось на краткое время устроиться Генке Ососкову, а дочка была при нем подпаском) кинулся к краю моста, но только и успел увидеть мученически заведенные, налившиеся кровью глаза злосчастной буренки, которая почти мгновенно канула под воду, только пузыри какое-то время всплывали на поверхность, а потом и их поглотила воронка. Насилу удалось отогнать от пролома перепуганное стадо. Хозяева коровушки сначала не верили в случившееся, кляли Генку на чем свет стоит, болтали: мол, продал небось коровку, а наврал, что утопла, но Анфиска так рыдала, так тряслась, рассказывая о случившемся... Поверили не Генке – поверили его дочери. Долго потом в деревне поглядывали на нее с брезгливой жалостью: Анфиска-де припадочная, в точности как папашка. С тех пор она и стала тщательно прятать свои чувства от всех, особенно от Надюшки, которая обожала ковыряться в них, словно в старой болячке.

Между тем Надя, которая с любопытством и удовольствием всматривалась в лицо подруги, силясь углядеть наконец-то в этих холодных чертах признаки явного горя, разочарованно нахмурилась:

– Ну вот, опять зажалась. До чего ж ты холодная, Анфиска, сугроб, а не девка, честное слово! Хоть бы раз себя на

волю отпустила – человеком стала бы! Знаешь, что говорил мне Ромка? Он ведь сначала на тебя глаз положил. Он же с тобой даже поцеловался разок, верно?

Как ни вслушивалась Анфиса, ей не удалось уловить в голосе подружки ни отзвука ревности.

– Поцеловался, он мне сам говорил. Ты ему на взгляд очень даже понравилась. А вот на вкус... – Надюшка хихикнула и зашагала быстрее, но вдруг приостановилась и в отчаянии всплеснула руками: – Господи Иисусе! Я ж сумочку с документами, с деньгами в твоём дурацком сарае забыла! Видать, уронила, когда огонь затаптывала! А, черт, черт, черт!.. Все из-за тебя, дурищи! Чтоб ты сгорела, в самом деле! Теперь придется возвращаться! Теперь я на восьмичасовую электричку не успею!

Она резко развернулась и рысцой кинулась было по мосту обратно, но Анфиса рванула ее за плечо:

– погоди! Ничего, уедешь на девятичасовой, успеешь к своему Ромке. Да погоди ты! Что значит – на вкус? Раз сказала – уж договаривай! Как это – на вкус?

Надя недовольно посмотрела на небо. Тучи сошлись над мостом, и здесь, именно здесь клубилась самая чернота, из которой должно было ливануть с минуты на минуту. Следовало бы бежать со всех ног, чтобы поскорее оказаться под защитой деревьев, но больно уж интересный оборот принял разговор. В кои-то веки непробиваемая Анфисина броня готовилась дать наконец трещину, и не полюбоваться на то,

как сквозь эту трещину хлынут потоки слез, было свыше Надюшкиных сил. К тому же сейчас она истинно ненавидела подругу, из-за которой отодвигалась, пусть даже на какой-то час, встреча с Романом.

Она поставила сумку, оперлась на перила.

– А так. Холодная, говорит, ты, вся будто ледяная. Когда танцевали, он к тебе поприжимался было, а ты даже и не заметила. Ну, думает, какая скромная девочка, небось только в деревне таких целок и найдешь. Потом, когда в лесочке начал тебя обжимать, ты опять стоишь колом, ноль внимания, фунт презрения. Поцеловал – а у нее, говорит, губы... ну, в смысле, у тебя, это мне Ромка сказал, понимаешь? – торопливо уточнила Надюшка. – У нее, говорит, губы ледяные, как у утопленницы. Резиновые такие. Неподвижные... С холодильником, говорит, и то целоваться было бы в больший кайф. Это мне Ромка сам сказал, ясно? – И Надюшка повторила как бы с сожалением, а на самом деле с явным удовольствием: – Губы ледяные, как у утопленницы...

Анфиса медленно взялась за сердце. Повела вокруг глазами, посмотрела на темную, клубящуюся воду бучила.

Все. Вот и все. «Губы как у утопленницы!» Надюшкины слова были словно удар острой, смертельной косы, которая прерывает человеческую жизнь.

«Губы как у утопленницы!»

Как можно... как можно было сказать такое?

И тут грянуло в небесах! Молния, чудилось, только вы-

жидала какого-то определенного момента, когда напряжение между двумя девушками, остановившимися над рекой, достигнет наивысшей силы. Она пронзила небо и устремилась в этот сгусток ненависти, незримой человеческому глазу, но ощущаемой всей замершей в предчувствии грозы, затаившейся природой. Анфисе, краем глаза проследившей полет небесной стрелы, показалось, что еще миг – и они с Надюшкой обе будут испепелены. Она ждала этого мгновения почти с нетерпением, она сейчас рада была бы умереть – именно вместе с Надькой, потому что им двоим больше не было места на одном этом свете, – однако молния, словно исчерпав свою ярость, вдруг погасла.

Надюшка взглянула на подругу почерневшими, почти безумными от ужаса глазами. Ударил гром, и Анфиса внезапно ощутила, что этот раскатистый, требовательный звук наполняет ее решимостью, вливает в нее неведомую прежде силу, обостряет ненависть к Надюшке, призывает ее сделать что-то, чтобы отомстить за чудовищное оскорбление.

«Умереть? Ты хотела умереть, потому что вам больше нет места на земле? Да ведь это *ей* нету здесь больше места!.. Ну! Делай же!»

Анфиса не знала, откуда прозвучал этот голос: с небес или из бездн вызвала ее на поступок некая сторонняя сила, или это всколыхнулась смятенная душа, но только она вдруг метнулась вперед, вытянула руки – и резко толкнула Надю в грудь.

Та качнулась, запрокинулась, взмахнула руками, словно пытаясь ухватиться за что-то, но не смогла. В этот миг снова грянул гром! Надюшка вздрогнула, завалилась еще сильнее, перила хрустнули, ломаясь, перед Анфисой мелькнуло окаменевшее в гримасе ужаса лицо, шевелящиеся пальцы, которыми ее подруга старалась поймать ускользающую жизнь, потом раздался громкий всплеск...

Бучило удовлетворенно вздохнуло и приняло очередную безвозвратную жертву.

И тут небеса наконец-то разверзлись и разразились потоками дождя, который, как известно, смывает все следы.

Ольга Еремеева

Февраль 2000 года,

Нижний Новгород

– Какая была у вас зарплата? – спрашивал ее тогда следователь Мыльников Николай Николаевич – симпатичный, хоть и несколько малорослый. И глаза у него были странного желтого цвета...

Ольга замялась. Месяц назад, когда лопнула частная фирма «Скорая ветеринарная помощь», где она работала, и Ольга подавала документы в Фонд занятости на получение пособия по безработице и поиск нового места, она написала в справке о зарплате: «Две тысячи рублей». В общем-то это соответствовало истине, поскольку именно такую сумму она получала на руки. Другое дело, что семьдесят процентов от нее составляла неучтенка, черный нал, а в официальной ведомости Ольга расписывалась за двести рублей, что ли. Здесь была налицо обычная махинация, с помощью которой выжидали отечественные мелкие и средние бизнесмены, с которыми Родина-мать боролась люто, словно с тайными и явными врагами народа. Жажда сопротивления вызревала в угнетенных душах, и именно она побудила Ольгу натурально подделать бумаги, сдаваемые в Фонд занятости. А что такого? Мало она выплатила за свою жизнь налогов родимой стране?

Мало пострадала от издевательств, которые то одно, то другое, то третье учиняло правительство над своими подданными? Павловская реформа, отсутствие налички в банках, ежедневная неопикуемая инфляция рубля, дошедшая до полного предела, вернее, беспредела, невыплаты зарплаты, потом кризис 1998 года – финансовые кривляния этого лысенького Киндер-сюрприза, ни дна бы ему, ни покрывки... А народ молчи, терпи и плачь? И не пытайся даже посопротивляться ошалевшему государству? Подумаешь, зарплата в две тысячи! Да за нее дают пособие всего-навсего пятьсот рублей. Пятьсот! Как жить на эти деньги? Как платить за квартиру, за телефон? Но ведь и их никак не выплачивают, все что-то думают и размышляют...

Конечно, сказать все это следователю было нельзя. Ольга подумала, подумала, борясь с традесканцией, сочла, что зарплате в двести рублей кто-нибудь вряд ли поверит, и ляпнула:

– Семьсот рублей.

– Понятно. – Николай Николаевич кивнул. – То есть за эту сумму вы расписывались в ведомости, да?

Ольга замерла, размышляя, не сказать ли, что она ошиблась, но традесканция сунулась ей прямо в глаз. Ольга испугалась, что потечет тушь, и, уклоняясь от ветки, невольно кивнула:

– Да.

– А какова была зарплата вашего шефа, Алексея Ивановича?

ча Зверева? – спросил следователь, записав ее слова в протокол.

Ольга с трудом подавила облегченный вздох.

Не то чтобы ей так уж понравился вопрос или она обрадовалась, что карающий меч правосудия нацелил свое острие в сторону Зверева. Штука в том, что она наконец-то поняла, зачем ее вызвали в отдел по борьбе с экономическими преступлениями! Конечно, махинации Зверева с черным налом выплыли-таки наружу. А она-то ломала голову, за что ее вызвали, почему?.. Странно, конечно, что в милиции заинтересовались Зверевым только теперь, когда фирма перестала существовать. Можно, конечно, доказывать факты утаивания доходов и неуплаты налогов, но чисто теоретически. Зверев и его жена-бухгалтер содержали все бумаги в полном, безукоризненном порядке, обосновывая получение и расход каждой копейки – той, понятное дело, которую они считали нужным показывать. Выходило, что фирма «Скорая ветеринарная помощь» едва сводит концы с концами, работает порой даже себе в убыток. Добрые доктора айболиты чуть ли не на свои средства покупают лекарства собачкам и кошечкам!

Между прочим, иногда так и случалось, потому что из-под налогового пресса Зверев выдергивал не миллионы рублей (и, уж конечно, не долларов!), не сотни и даже не десятки тысяч, а всего только семь несчастных тысконок рубликов в месяц, чтобы заплатить по две тысячи Ольге и своей жене, а три положить в свой худой, заплатанный карман.

Министр по налогам и сборам, который клеймит любителей черного нала со всех телеэкранов и газетных страниц! Министр, у которого казенная квартира, и машина, и дача, и министерская столовая с практически бесплатной едой, и еще какие-то там неопишуемые льготы плюс зарплата – не пятьсот, конечно, рублей! Сначала попытайся выцыганить из иностранных банков украденные из России сотни миллиардов долларов, прежде чем предавать позору и хватать за руку таких мелких мошенников, как Зверев и иже с ним! Ведь в той стране, в которую вы превратили Россию, жить нельзя – в ней можно только выживать, ясно?

Никакой такой дурацкой патетической речи Ольга, конечно, не произнесла – хватило ума промолчать. Она продолжала бороться с этой вьющейся зеленой тварью и с запинками отвечала следователю на какие-то странные, а впрочем, вполне доброжелательные вопросы насчет того, как часты были вызовы, и к кому чаще – к кошкам или к собакам, и как относилась к конкуренции районная ветеринарная поликлиника, вообще – кто в этой конкурентной борьбе одерживал верх?..

Ольга в конце концов даже начала сомневаться, что следователя Мыльников интересуют махинации Зверева! Однако все свои вопросы и все ее ответы он скрупулезно, хорошим, разборчивым почерком занес в протокол и дал Ольге прочитать его и расписаться. Что она и сделала.

– Хорошо, – сказал Николай Николаевич, глядя на нее со-

чувственными глазами. – А теперь взгляните на этот документ.

«Почему он на меня так смотрит?» – успела еще подумать Ольга, прежде чем взяла из его рук ксероксную копию... своего собственного заявления в Фонд занятости. Того самого заявления, в котором она своими руками указала сумму месячной зарплаты: две тысячи рублей.

Валентина Абдрашитова

Январь 2001 года, Северо-Луцк

Оказалось, что в Северо-Луцке имя Алима Абдрашитова было не просто известным, а очень известным. Бывший Валентинин муж, у которого не хватало денег на алименты, владел двумя ночными клубами и казино при них. Загородный дом у него был такой, что челюсть отвисала при виде этой красоты и бьющей в глаза роскоши, автомобили он менял как перчатки, количества банков, где он держал свои денежки, не знал точно никто, сам мэр первым здоровался с Алимом и считал за честь видеть его на своих «мальчишниках», которые потом плавно перетекли в чинные семейные праздники. Кстати, именно из-за Алима. Вернее, из-за его любовницы, которая чисто мужское времяпрепровождение считала верхом неприличия, особенно в наше время, и называла мэра дураком, если он не понимает значения внешней респектабельности для политического деятеля. А уж после того, как Алим решил на ближайших выборах баллотироваться в Госдуму...

– погоди, Васька! – взмолилась тут Валентина. – погоди, не все сразу. Кто решил баллотироваться в Госдуму?

– Алим, кто ж еще! – хмыкнул Васька. – А что такого? Нынче там кого только нету, самый сброд могут выбрать.

Чем Алимка хуже? И кореша есть полезные. У него в баньке сам Чужанин из СПС парился с этим вашим, как его там, поволжским представителем... короче, с Киндер-сюрпризом. Как приедут в Северо-Луцк, так прямиком по банькам. Ну а там, сама понимаешь... – Он значительно прищурился. – Когда у человека два ночных клуба, причем один – для «голубых», тут на все вкусы найдется товарец для высоких гостей. Друзей и подружек для них сама Надька отбирала. У нее глаз-алмаз, у Надьки-то, там такие телки и телята являлись, что у высоких гостей слюни висели до самых гениталий.

Валентина исподлобья зыркнула на словоохотливого рассказчика. На самом деле не про Госдуму ей хотелось спросить первым делом, нет, не про Госдуму! Понятно, что не мог Алим столько лет прожить один, а все же упало сердце при этом небрежно упомянутом имени – Надька, при этих словах: «Его любовница...»

– Надька – это, что ли... ну...

Она не договорила, еще на что-то рассчитывая, на какую-то ошибку, будто на помилование, но Васька угрюмо кивнул:

– Блядь Алимова. – Он помолчал, словно поперхнулся, потом выдавил несколько самых грязных ругательств, из разряда тех, от которых уши вянут, и Валентина поразилась выражению ненависти, вдруг исказившему, обострившему, иссушившему мягкие, как бы смазанные черты Васькино-

го добродушного лица. – Надька... Из-за нее я и вернулся. Остался на бобах и вернулся. А от Алимки у меня один только пояс для тяжелоатлетов на память сохранился – из воловьей кожи, широкий такой пояс. С пряжками. Баксов двести стоит. Алимка его где-то раздобыл, когда брюхо из него поперло. А нынче же толстым быть непрестижно, вот он и утягивался. Ну, я и позычил поясок, когда с Надькой расплевался.

Вот те на! Валентина-то с Томкой думали: затосковал мужик по дому, вот и вернулся. А он, оказывается...

По счастью, Томка в эту пору отлучилась на кухню и не слышала рокового признания, а Валентина была уже слишком ошеломлена вероломством собственного мужа, чтобы достойным образом отреагировать на вероломство чужого.

Васька, впрочем, тотчас сообразил, что сморозил несусветное, и прикусил язык. Однако видно было, что его так и распирает, что ему хочется поговорить, что разговоры о Надьке хоть и причиняют ему мучительную боль, а все же кто из нас может удержаться от того, чтобы беспрестанно не трогать языком ноющий зуб? Так и Васька не смог удержаться, чтобы не вернуться в разговоре к Надьке. К Надежде Гуляевой.

...Никто не знал, как она появилась в жизни Алима. Поговаривали, начинала стриптизершей, а может, девочкой по вызову, причем даже не эскорт-леди, а обреталась некогда на самых низших ступенях проституточной социальной лест-

ницы. А впрочем, никто не мог утверждать доподлинно, откуда взялась Надька. Когда Васька приехал в Северо-Луцк, она всю жизнь жила с Алимом. Алим уже имел оба своих клуба, ему был нужен верный человек для пригляду за делом, вот он и вызвал тайком старинного приятеля, пообещав Ваське, что тот станет его правой рукой. Однако ни правой, ни даже левой руки из Васьки не получилось, потому что оба эти места были прочно заняты Надькой. Она полновластно царила в доме Алима, в его душе и сердце, снисходительно оставляя там всего два свободных закуточка: для дела и для огромного пса – немецкой овчарки, натурального волкодава по кличке Веселый Роджер. Роджера Алим любил как родного сына – нет, куда больше! Во всяком случае, за последние два года Васька ни разу не слышал, как Алим вспоминает о своих мальчишках, но он не ленился даже в самую запарку рабочего дня съездить на рынок и выбрать лучшие, свежайшие, нежно-красные легкие для Роджера, который вообще обожал всякую требуху, а телячьи легкие – особенно.

Слушая это повествование, Валентина так и не поняла, к кому Васька ревновал друга и босса больше: к любовнице или собаке, из-за кого больше бесился. И, между прочим, бесился не зря, потому что на имя Надьки Алим перевел всю свою собственность и вклады в банках, оставив в своем владении только трехкомнатную квартиру. Случилось это за три месяца до его смерти. А причиной этой смерти стал Веселый Роджер.

Тут вернулась из кухни Томка и бухнула посреди стола громадную сковороду со шкворчащей, с пылу с жару, обалденно пахнувшей печенкой-пятиминуткой.

Васька наколол на вилку один кусочек, поднес его к носу и блаженно зажмурился:

– Сто лет ничего такого не ел! Роджер – он как зачует печень, горло перегрызет, но отберет кусок. Жареную весьма жаловал, особенно в сметане. А паштет печеночный мог килограммами жрать. У нас там на мясокомбинате колбасу ливерную печеночную делали, так я тебе скажу... Ее к нам прямо из цеха ящиками для этого сукина сына возили.

Валентина дрожащей рукой налила себе водки и выпила одним глотком. Нервно схватилась за вилку, но закусила только соленым огурцом. Печень есть не смогла. В воображении вдруг отчетливо встала картина: Алим дерется с Веселым Роджером из-за такого вот куска, ну и побеждает, естественно, громадный волкодав...

– Да нет, – чуть не подавился Васька, совершенно правильно расшифровав выражение ужаса, возникшее на ее лице. – Думаешь, его пес загрыз? Не-ет! Роджер его только разок и цапнул. Алимка сам виноват – знал же, что псина до смерти пьяных терпеть не мог, ну чего полез к нему, наклюкавшись? Да еще ипил какую-то мерзость вонючую, натурально денатурат. У него же вкусы не изменились, у Алимки-то. Гостям в клубах «Бомбей-сапфир» подают, а дома, втихаря, наш Алимчик может хоть стеклоочистителя глот-

нуть – в память о прежних веселых денечках. Ну и в тот день пивнул он чего-то такого-этакого, да и полез к Роджеру. Ну, пес и цапнул его за щеку!

– Как же ты говоришь – не загрыз?! – ужаснулась впечатлительная Томка, с жалостью косясь на подругу, у которой огурчик явно встал поперек горла.

– Так и говорю, что не загрыз, а только цапнул. Царапина всего и осталась, но и ее хватило, чтобы... – Васька махнул рукой, сунул наконец-то в рот остывший кусочек печенки и принялся мрачно жевать. Он тщательно, методично работал челюстями, словно это сейчас было самым главным на свете.

– Не подавись, зараза! – не выдержала-таки Томка. – Успеешь, наешься! Скажи, что там с Алимом-то было?

– Да вы понимаете, девчонки... – нехотя поднял глаза Васька. – Роджер его цапнул и убежал невесть куда. Так его и не нашли. А Алим через три месяца умер от... – Он сглотнул, тоскливо посмотрел на умопомрачительно пахнущую сковороду, словно навеки прощался с ее вкуснейшим содержимым. – Умер от бешенства.

Валентина прижала ладонь ко рту, да так и просидела остаток вечера, словно давя крик. Она даже пить больше не могла, хотя Васька и Тома несколько раз поднимали рюмки. Водку допили и все огурчики съели, но вот в чем Васька безусловно оказался прав, так это в том, что к печенке никто из троих больше и не притронулся.

– Опаздываем, – пробормотал кто-то за спиной, и Вален-

тина обернулась. Проводница шла мимо с пятью стаканами дымящегося чаю, держа их так легко и небрежно, словно это были пустые подстаканники. Ловкость рук!

– Сильно опаздываем? – огорчилась Валентина.

– На час пока, но, возможно, постоим еще. Там авария на переезде, электричка столкнулась с автобусом. Так что никто ничего не знает. Один раз было такое дело – мы аж четыре часа стояли.

– Четыре часа?! – ужаснулась Валентина. – Так ведь это... это значит, что я опоздаю!

– Спешите куда-то? – от нечего делать спросила проводница.

– Да. Мне в нотариальную контору надо. Я... я еду в права наследства вступать!

И горделиво улыбнулась неприкрытому, почтительному изумлению проводницы.

Ольга Еремеева

Февраль 2000 года, Нижний Новгород

Когда надо было, Ольга могла отовратиться от чего угодно. Но она быстро соображала, было у нее такое замечательное качество, и сразу поняла, что здесь дергаться на тему «Я не я и бородавка не моя!» бесполезно. Единственное, что можно было сделать, это не выглядеть глупо и жалко, поэтому она только приподняла брови и сидела с каменным выражением, уставившись на эту цифру, которая, чудилось, горела огнем-пламенем, словно какие-нибудь «Мене, текел, фарес» перед глазами несчастного Валтасара, а не жалконькая в общем-то суммочка: две тысячи «деревяшек». Сидела и смотрела... Традесканция безнаказанно путалась в волосах – ей была предоставлена полная свобода действий.

– Вас, наверное, интересует, почему у нас возникли подозрения? – приветливым голосом спросил Мыльников. – Но это очень просто. В Фонде занятости существует банк данных по каждому предприятию. Получив от вас заявление о постановке на учет и справку, мы проверили данные по «Скорой ветеринарной помощи» и обнаружили, что месячный фонд зарплаты вашего предприятия составлял всего-навсего тысячу рублей. А вы написали, что только вы получали

две тысячи. Как говорится, неувязочка получается, да?

Ольга тупо кивнула. Неувязочка – это не то слово...

– Знаете, такие ситуации нередки, – мягким голосом сообщил Мыльников. – Поэтому Фонд занятости сразу сообщает нам обо всех подобных случаях. К сожалению, страсть к мелкому и крупному мошенничеству живет почти во всех, даже в тех, кто считает себя интеллигентным человеком.

Это явно был камешек в ее огород, причем угодил он не в бровь, а в глаз. Очень болезненный удар. Ольга постепенно выходила из оцепенения.

– А давно в Фонде занятости обнаружили... э-э... ошибку в моем заявлении?

– Вы хотите сказать, давно ли обнаружили, что ваша справка о доходах составлена с искажением данных? – беспощадно уточнил Мыльников. – Давно. Ровно месяц назад. Как только вы ее представили в Фонд.

Месяц назад! Ольга мысленно схватилась за голову. Целый месяц все эти замотанные тетки, которые отмечали ее приходы (к инструктору надо было являться раз в неделю, предъявляя трудовую книжку и отчет о том, что ты и сам прилежно ищешь работу) и пытались найти ей место ветеринара с зарплатой не ниже указанной в справке, целый месяц они знали, что гражданка Еремеева – наглая врунья, мошенница, что она откровенно морочит всем головы. Знали! И ничего не сказали ей. Ждали, чтобы она увязла поглубже. В бухгалтерии ей нарочно сообщили, что на днях на ее расчет-

ный счет в сберкассе на Ошарской (пришлось книжку там завести) поступит первая выплата пособия. Все это делалось нарочно! Они заведомо знали, что Ольга врет, что она подделала документы.

Свинство! Ну какое же это свинство! Не могли сразу предупредить, что ли? Так, мол, и так, не стыдно ли вам, женщина, идите вон отсюда! Она бы сгорела со стыда, но это было бы лучше, чем теперь сидеть напротив симпатичного опера, который тычет пальцем в Гражданский кодекс и указывает Ольге номер и содержание статьи, по которой ей придется нести ответственность за свое преступление, именуемое мошенничеством в мелких и средних размерах.

Ольга даже толком ничего не могла прочитать – все плясало у нее перед глазами. Что-то такое про штраф, принудительные работы, условное наказание до... Господи! Ей мерещится или правда такое написано: «сроком до пяти лет»?

– Меня что, посадят? – спросила она чужим голосом, сцепляя пальцы так, что их заломило. Но эта боль не позволила брызнуть слезам, которые уже подкатили совсем близко.

Что же она наделала! Что натворила! Нет, но все-таки какие мерзавцы там, в этом Фонде!..

– Да нет, вряд ли посадят, – качнул головой Мыльников. – Однако позору не оберетесь. Кстати, как вам удалось подделать справку о заработной плате? На ней стоят подписи директора и главбуха, а также печать фирмы. Значит, началь-

ство было в курсе вашей махинации?

Если в первые минуты Ольга вся пылала от стыда и страха, то теперь она ощутила себя просто заледеневшей от ужаса. Конечно, Зверев знал, что она собирается встать на учет в Фонде. Но ему была не по душе эта затея. Не по душе! Поэтому он и его жена-бухгалтер просто подписали пустую справку, а все цифры проставила сама Ольга. И вот теперь, выходит, она потянет за собой на скамью подсудимых этих людей, которые ей в жизни ничего, кроме хорошего, не сделали? Нет уж, если правосудие рано или поздно доберется до Айболита Зверева, пусть оно сделает это самостоятельно, без участия подследственной Еремеевой.

– Ни в каком курсе никто не был, – буркнула Ольга. – Просто они мне доверились и подписали пустую бумагу. Они не знали, что я впишу туда завышенные цифры, они к моему мелкому и среднему мошенничеству не имеют никакого отношения!

– Да вы не волнуйтесь, на них своя статья сыщется, – успокоил ее добрый опер Мыльников. – Налицо преступная халатность, из-за которой государству был нанесен финансовый урон на сумму... Между прочим, вы уже получили первое пособие?

– Нет, – истово замотала головой Ольга, и традесканция заметалась в воздухе в такт ее движениям. – Нет, мне его еще не начислили, наверное.

«Какое счастье!» – подумала она, но вслух, конечно, ни-

чего такого не брякнула.

– Начислили, начислили, – кивнул Мыльников. – По нашим данным, сумма уже на вашем счету. Вы совершенно уверены, что еще не распорядились ею?

– Нет. – Ольгаина голова и традесканция снова замотались туда-сюда. – Но я верну деньги. Сегодня же верну!

– Да-а? – в сомнении поглядел на нее опер, и Ольга на миг обиделась: «Неужели он думает, что я полная идиотка и буду теперь пользоваться этими деньгами?!», но вдруг поняла причину этого сомнения: Мыльников не верил, что мошенница вообще выйдет из его кабинета! То есть она выйдет, но лишь для того, чтобы пересесть в эту машину с решетками на окнах... автозак – в детективах она называется автозак, – и отправиться напрямиком в следственный изолятор, в то самое СИЗО, о котором Ольга раньше тоже читала только в детективах, а теперь, значит, познакомится лицом к лицу.

...Как подумаешь, сколько народу вопили в душе: «Зачем?! Зачем я сделал это?!» – и молили всех богов вернуть время назад, обещая взамен все, что у них есть, вплоть до своей бессмертной души, и клялись, что, если только им представится возможность начать все снова, они больше никогда... никогда и ни за что! Целая очередь таких бедолаг небось выстроилась, можно ею несколько раз охватить Землю вокруг экватора. Теперь в конце этой очереди топталась Ольга Еремеева, и ее жалкий голосишко вливался в общий хор: «Никогда... больше никогда, ни за что!»

– ...не по злomu умыслу, – донесся до ее слуха мягкий голос Мыльникова. – Искренне верю, что на вас, так сказать, просто помрачение нашло. Бес попутал, как говорили в старину. Правда?

Ольга машинально кивнула.

– На самом деле я вас понимаю. Мы имеем дело с такими хищениями, суммы которых вам даже и не снились, и, когда видишь жалкие потуги какой-нибудь учительницы, или медсестры, или ветеринарного врача перехватить у государства какую-то несчастную сотню-другую, понимаешь, что их толкнуло на это общее обнищание народа. Ведь на глазах у этих людей грабят страну. Берут взятки – все, кому не лень. Вы не поверите – берут даже в городской администрации!

И далее Мыльников разразился целой речью о том, что в администрации берут почему зря, нагло и бессовестно, но схватить «администраторов» за грязные ручонки совершенно невозможно, поскольку, во-первых, ручонок этих не счесть, глаза разбегаются, не знаешь, за какую первую хвататься, а во-вторых, берут они через своих людей в районных администрациях, через третьи руки, если уж продолжать тему верхних конечностей. Но и те – не пустые лохи, они не в кабинетах же конвертики принимают, а просто в очереди жаждущих зарегистрироваться и до смерти затурканных всяческими препонами частных предпринимателей появляется некий человек, который сулит все устроить за некую сумму. А кому он эту сумму передаст – сугубо его,

посредника, проблемы, кандидата в «чайники» это не колышет, тем паче что все дело и впрямь внезапно сдвигается с мертвой точки и без задержки, без сучка без задоринки, мелкой пташкой летит к счастливому финалу – регистрации частного предприятия и выдаче на руки вождеденного свидетельства. О том, что сей путь усеивается терниями искусственно, знают все: и сами «чайники», и чиновники. Причем обе стороны искренне недоумевают, почему так озабочена создавшимся положением милиция. Ведь спрос порождает предложение, а предложение порождает спрос – этот диалектический закон не нами выведен, не нам его и опровергать. Покуда находятся люди, желающие получить взятку, найдутся и те, кто ее захочет дать, чтобы быстро и красиво решить свои проблемы. И наоборот. Все равно как спрос на пиво породил огромное количество выпускаемой продукции, в компании с которой время летит незаметно.

Однако, построжавшим голосом сообщил далее опер Мыльников, «кочка зрения» отдела по борьбе с экономическими преступлениями на эту проблему совершенно иная. Готовится даже операция по внедрению в гущу «чайников» своего человека, который должен пройти по всем кругам административного ада и вычислить всех задействованных в этом деле Вергилиев, с тем чтобы впоследствии их за ушко да на солнышко с помощью заранее помеченных денег. И Николай Николаевич Мыльников крепко надеялся (он так и сказал: крепко, мол, надеюсь!), что оступившаяся Ольга Ере-

меева пожелает искупить свой грех сотрудничеством с правоохранительными органами, став этим шпионом. Вернее, шпионкой. А в награду за ее самоотверженный поступок товарищ Мыльников закрывает глаза на факт мелкого мошенничества, имевший место быть в ее биографии.

– Как же так? – глупо спросила Ольга. – Вы готовы ради меня пойти на должностное преступление?

Что-то такое мелькнуло в глазах Мыльникова... нечто вроде усталости, а может, и брезгливости... и это помешало Ольге радостно согласиться на его предложение.

– Я, наверное, не смогу, – пролепетала она, совершенно растерянная, сбита с толку.

– Сможете! – напористо сказал Мыльников, глядя на нее с прежней симпатией и участием. – У вас есть склонность к риску, иначе вы не затеяли бы эту авантюру с поддельной справкой. Значит, у вас все получится и в нашем общем деле.

Ольга пялилась на него во все глаза, по-прежнему не в силах осмыслить случившееся. Но тут на столе Мыльникова зазвонил телефон. Николай Николаевич снял трубку – и сразу сделался серьезен.

– Начальник отдела вызывает, – сказал он Ольге со значительным выражением. – Я понимаю, сейчас вам трудно эту ситуацию как следует просечь, вам подумать нужно. Поэтому условимся так: вы идите домой, а ко мне приходите часиков в восемь.

– В смысле завтра утром?

– Да нет, сегодня вечером. Незачем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

– Вы до такого времени еще работаете?! – в священном ужасе воскликнула Ольга. Мыльников улыбнулся с выражением, которое можно было расшифровать как: «Враг не дремлет ни днем, ни ночью!», и подписал ей пропуск на выход из отделения.

Егор Царев

Май 2001 года, Агадир

Ну что ж, Егор был не первым мужичком, которого кинула женщина, и, что самое утешительное, отнюдь не последним. Он принял удар стойко: не пытался совершить какую-нибудь глупость вроде поездки в Северо-Луцк и попыток разыскать Надюшу. Попробовал забыть... но не забыл, как только что сам с изумлением обнаружил. И если бы не этот голубоглазый... тьфу, холера ясна! – если бы не этот парень, который вился вокруг нее в воде как вьюн, Егор не замедлил бы плюхнуться в бассейн, подплыть к своей коварной красавице и брякнуть что-нибудь ошеломляющее, подтверждающее его право первенства перед этим фраером, после чего Надюшка непременно должна была бы вспомнить его – и сгореть со стыда. Или, вернее, утонуть, поскольку в воде сгореть довольно сложно.

Что именно он сказал бы? Ну, к примеру, таким менторским тоном: «Я ведь предупреждал вас, барышня, что никак нельзя тату на солнышке перегревать. Белая краска плохо переносит ультрафиолет, как бы не вздухла попа аккурат на Пегасовых крылышках!»

В самом деле, в белой и красной татуировочной краске, даже голландской, самой лучшей, фирм «Tatto Costum

Supples» или «MB Cosmetiks», есть такой странный эффект: на солнце она вспучивается. Поэтому Егор специально предупреждал своих клиентов, на которых работал такой краской: не загорайте, в смысле не перегревайтесь на солнце. Конечно, ничего страшного в этом припухании нет: пара часов в темноте – и все проходит, однако неожиданно может возникнуть пигментация, цветовой эффект ослабеет, то-се...

А кстати! Это ведь очень странно, что, пристально разглядывая некогда любимую попку, Егор не заметил никакой припухлости на месте Пегасовых белых крылышек и аналогичной гривы. Причем Надюшка явно лежала на солнышке долго: спина изрядно покраснела. Давно не загорала, сразу видно, а тут с первого раза перебрала. Обгорела крепко. Теперь кожа будет шелушиться. Однако крылышки Пегаса вели себя совершенно обыкновенно, словно были прикрыты трусиками. Как бы не так, прикрыты! Хоть бикини «трапеция» властно входило в моду, «тангос» еще всю царило на пляже – конечно, только у обладательниц самых красивых и сексуальных задниц. «Тангос» носила и Надя. Почему же так лояльно вели себя крылья Пегаса?

Егор извертелся на лежаке, нетерпеливо ожидая, пока Надюша и ее хахаль вылезут из воды. Они устроились на своих прежних местах, рядом с ним, тихонько воркуя и пересмеиваясь, но ему было уже не до ревнивых взглядов: заговорил профессиональный интерес татуировщика. Делая вид, что необычайно восхищен цветущей неподалеку азалией, он

из-под зеркальных очков пристально озирал Пегаса.

Что за леший! Краска лежит абсолютно ровно, не вспучивается, на коже ни следа припухлости, а ведь этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Так, а красная красочка как себя ведет? Помнится, он чуть-чуть, самую малость усиливал пигментацию на пятне, чтобы добиться...

Егор так и замер, мгновенно позабыв, чего он там пытался добиться. Он с трудом удержался, чтобы не снять солнечные очки, не надеть нормальные, с диоптриями, да еще и лупу не прихватить, а потом не пасть на колени и не начать пристально, миллиметр за миллиметром, разглядывать татуировку. Лупы у него с собой на пляже, разумеется, не было, но и без нее он вдруг разглядел нечто повергнувшее его просто-таки в содрогание: пятна... пятна родимого, страшного и ужасного, благодаря которому и появился на Надюшкиной попке Пегас, – этого пятна не было! А ведь оно невыводимо, это он знал как специалист.

Нет, ребята, ну как же это так?! Где пятно-то? Почему не вспучивается белая краска – это раз, и где пятно – два?

Ответ мог быть самый простейший: какая-то девушка увидела Надюшиного Пегаса, очаровалась им и скопировала слепо и тупо один в один. Причем не татуировку сделала, а просто заказала временный рисунок: сейчас это модно, такая татушка на месяц, а то и всего на две недели. Судя по яркости, картинку нарисовали буквально день-два-три назад, она еще не поблекла от купаний в море, краски не выцвели

на солнце.

Да нет, ради бога, Егор не жадный, и авторских прав на идеи у него нет. Запросто можно даже счесть за честь такое рабское подражание его стилю и манере. И снисходительно улыбнуться: вот и он стал законодателем моды! Некогда модницы всего мира копировали «бабетту» – прическу Брижит Бардо, потом «глаза Клеопатры» – Элизабет Тейлор, в конце 60-х мальчики повально косили под «битлов», ну, глядишь, такой же маниакальный характер примет увлечение Пегасами Гоши Царева...

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Вернее, так непонятно. Ведь если пятна нет и краска не вспучивается, значит, эта женщина с Пегасом – не Надюшка. А Егор готов был поставить на кон свою тату-машинку «Revolution» (новое поколение роторных машин!), что перед ним именно она, Надежда! Но если... если татуировка – подделка, значит, подделка и Надюшка.

Что?..

В это самое мгновение она повернула голову и посмотрела прямо на Егора. Но ничто не дрогнуло, не шевельнулось в глубине ее серо-зеленых глаз. Невозможно сымитировать этот равнодушный, холодный, незнающий взгляд, невозможно! Женщина не притворялась, что забыла Гашиша, – она его в жизни своей никогда не видела.

Егор немедленно лег на спину, зажмурясь, задрал лицо к мавританскому жаркому солнцу с таким видом, словно ему

все было по барабану, а на соседку он загляделся лишь по причине пляжного безделья.

Так... Теперь он не сомневался: и Пегас не Пегас, и эта женщина не... Парень назвал ее Надюшей, но это не она. Чужая, другая – которая красит волосы хной в тот же самый оттенок красного дерева, точно так же подводит глаза синим карандашиком, использует не помаду, а блеск для губ, у которой в ушах любимые Надюшины бриллиантовые «гвоздики» – и, как уже не единожды было сказано, подобие Пегаса на попке.

Ради бога! Зачем она скопировала внешность *той* Надежды, Надежды Гуляевой, зачем перенесла на свое тело ее татуировку и приняла ее имя? Для какой аферы? Знает ли ее парень о подмене? Сам организовал все это или стал жертвой такого же рокового заблуждения, какому едва не поддался Егор? А главное... главное – где теперь настоящая Надюша? Что с ее Пегасом? Что с ней самой? И вообще – жива ли она?!

Ольга Еремеева

Февраль 2000 года,

Нижний Новгород

Ольга тащилась по Советской площади, которая раньше считалась жутко неудобной и бестолковой, но сейчас, казалось, даже архитектурным шедеврам великого испанца Антонио Гауди было далеко до совершенства линий приземистого универсама, а также кирпичных многоэтажек и панельных хрущевок, натканных там и сям в этом суматошном районе!

Вполне возможно, что эти великолепные здания она видит последний раз в ближайшие три-пять лет. Правда, Мыльников совершенно определенно сказал, что ее не посадят. Но чем черт не шутит: вдруг за эти четыре часа, оставшиеся до назначенных им восьми вечера, произойдет что-нибудь непредвиденное? Например, будет принят новый Гражданский кодекс с совершенно драконовскими указивками по поводу мелкого и среднего мошенничества. Или просто Мыльников передумает и решит-таки подвести Ольгу под статью! Ведь закон, как говорится, что дышло, куда повернешь, туда и вышло.

Нет, нельзя так думать! А думалось. Думалось вот о чем. Выходит, если Ольга согласится сотрудничать с органами

(этот анахронизм звучал устрашающе актуально), Мыльников и впрямь пойдет на сделку с совестью и избавит ее от заслуженного наказания? А вот интересно, все те тетки, которые оказались в ее шкуре (Мыльников сказал, что случаи подделки справок нередки), тоже вынуждены были за кем-то шпионить? На кого-то доносить? Внедряться в ряды преступников? Наверное, милиции постоянно нужны свежие органы, то есть доноры... то есть тьфу, что она несет? Свежие шпионы! И они постоянно к ее услугам – благодаря Фонду занятости.

Все-таки странно и подло, что в этой организации никто не предупреждает о том, что все данные о зарплате будут проверены. Оно конечно, обманывать нехорошо, но ведь, к примеру, и уклоняться от налогов, и ездить без билета – тоже очень плохо. А между тем о наказаниях за неуплату налогов предупреждает телевидение. Во всех автобусах, трамваях, троллейбусах и даже в частных маршрутках понаклеены плакатики, грозящие карой за бесплатный проезд. А в Фонде занятости ничего такого... Всех кругом предупреждают об ответственности за выгул собак на детских площадках, за мойку автомобилей в экологически чистых водоемах, о купании в не предназначенных для этого местах. Библия страшит божьей карой, а Евангелие запрещает вводить во искушение малых сих. Но ведь Фонд занятости делает это беспрестанно – вводит во искушение кажущейся легкостью получения денег... жалких до безобразия, отчего и само мошен-

ничество выглядит даже не мелким, а просто-таки мельчайшим! Человек ни за что не поверит, что за какие-то несчастные пятьсот рублей его может ждать нечто более серьезное, чем устыдительные речи и приказ немедленно вернуть привоенные денежки. И только когда коротко остриженный ногой тов. Мыльников отчеркнет на страничке ГК РФ соответствующую статейку...

А если и правда – Фонд именно потому не предупреждает людей, что работает в связке с милицией, для которой он обеспечивает приток перепуганных, трясущихся, готовых на все женщин? Да и мужчины тоже пугаются ответственности, тоже готовы на все, чтобы искупить свой грех! Особенно если они уже какое-то время получали это жалкое пособие и купили на него лишние ботинки своим детям, а также колбасы и пива себе и зонтик своей жене. А может, просто погасили долг за квартиру или за телефон этими злодейски похищенными государственными деньгами.

Секундочку... Но, в отличие от этих несчастных грешников, мелкая мошенница Ольга Еремеева еще никак не распорядилась своим пособием по безработице.

А может быть, Мыльников ошибся и их вовсе не выслали? Тогда, наверное, еще не все потеряно!

Ольга влетела в троллейбус и, мысленно кляня громоздкую, медлительную железяку, ринулась в сберкассу на Ошару, где с ужасом обнаружила факт поступления денег на свою книжку. Мыльников, увы, не ошибся. В истерической

тональности она потребовала незамедлительно вернуть эти проклятые пятьсот рублей отправителю. Слава богу, ей хватило ума не получать наличными, не тащить эти гроши в пригоршне обратно в Фонд занятости как доказательство своих благих намерений немедля завязать с преступным прошлым! Доказательством должна была послужить квитанция об отправке денег. Отксеренную копию Ольга отнесла в бухгалтерию Фонда, а оригинал потащила в клювике товарищу Мыльникову Николаю Николаевичу. Приближалось восемь вечера – время Ч!

Отделение милиции не то чтобы опустело по сравнению с дневным временем, однако народу в нем все-таки поубавилось. На первом этаже жизнь еще кипела, но чем выше поднималась Ольга, тем более пустыми становились лестничные пролеты и площадки. Днем тут приходилось идти бочком, вжимаясь в стенку, а сейчас Ольга спокойно поднималась по ступенькам... вернее будет употребить наречие «медленно» и глагол «тащилась», жалея, что ей никто не преграждает путь и не делает это продвижение вверх еще более неспешным. Коридор третьего этажа был пуст, ни из-под одной двери не пробивалась полоска света, даже за дверью с табличкой «Начальник отдела по борьбе с экономическими преступлениями Васильев М.И.» было совершенно темно. Васильев М.И., как все нормальные люди, уже отправился домой, к жене и детям, даром что начальник. А вот его подчиненный по фамилии Мыльников продолжал неустанно бо-

роться с этими самыми преступлениями...

Ольга тяжело вздохнула и посмотрела на часы. Было 7.59. Она подождала минуту, ровно в 8.00 стукнула согнутым пальцем в дверь с цифрой 313 и получила приказание войти.

Кабинет был немилосердно освещен большой лампочкой, висящей на голом шнуре. Лампочка была такая яркая, что не оставляла преступникам никакой надежды скрыть свои тайные намерения от следователя Мыльникова, от его пронизательных глаз. А еще эти глаза были усталыми, но добрыми.

– Садитесь, Ольга Михайловна, – негромко пригласил он и потер подпухшие веки. – Ну что? Как настроение? Будем сотрудничать?

И в этот миг она приняла решение – совершенно определенное и бесповоротное. Однако Мыльникову ничего об этом пока не сказала, а просто положила на стол квитанцию из сберкассы и заявила:

– Вот.

– Да вы садитесь, садитесь. Что это? – спросил опер, разглядывая бумажку очень внимательно, но не дотрагиваясь до нее, словно боялся оставить отпечатки пальцев.

– Я вернула деньги в Фонд занятости, Николай Николаевич, – сказала Ольга, оглядываясь на традесканцию, но решив уж лучше постоять, чем снова терпеть ее приставания. – Как вы думаете, зачтется мне это на суде?

– Ну что вы, Ольга Михайловна, – ласково усмехнулся Мыльников. – Какой может быть суд? Мы же с вами догово-

рились: я за вас похлопочу, если вы нам поможете.

Долее лелеять его несбыточные надежды показалось Ольге недостойным. И она не очень складно, но твердо выразилась в том смысле, что извините, конечно, Николай Николаевич, вы добрый и замечательный, вы редкой души человек, однако... еще раз простите... сотрудничать с органами вообще и с вами в частности она не станет. Не станет уподобляться Фонду занятости с его подлыми принципами жизни и вводить в искушение каких-то несчастных давателей взяток. А вдруг они как раз в это время решат завязать, никогда больше не грешить, а тут Ольга невольно снова приведет их на путь порока? А потом станет свидетельствовать против людей, которых сама же подводила под статью? Нет, сроду Ольга Еремеева ни на кого не доносила, поздно и начинать – в двадцать-то девять годиков! Кроме того, где гарантии того, что подельники этих посаженных потом не взорвут Ольгину квартиру или просто не задушат ее в темном переулке? Словом, нет, нет и еще раз нет. Лучше ответить по всей строгости закона – и ладно. Кроме того, факт возврата денег ей, наверное, все-таки зачтется.

Вид у Мыльникового был какой-то такой... не сказать ошарашенный, но все же не без этого. Даже некое подобие полудетской обиды промелькнуло в его, повторимся, усталых, но добрых глазах. Словно бы Ольга обманула его самые светлые чаяния. И, наверное, именно поэтому ответ его прозвучал даже мстительно:

– Эта квитанция не имеет никакого положительного значения, скорее наоборот. Деньги вы фактически получили: ведь вы распорядились ими! Вот если бы они лежали у вас на книжке...

– Но тогда на них шли бы проценты, – вполне резонно возразила Ольга. – То есть я еще и прибыль с них имела бы. Это уж вообще... И потом... что значит – фактически получила? Я их в руках не держала, я их по безналу перевела.

– И все равно – вы ими распорядились самостоятельно, верно? Следовало потребовать, чтобы бухгалтерия Фонда занятости отозвала перевод. Вы должны были написать заявление, они бы рассмотрели вашу просьбу, послали бы запрос в сберкассау...

– Ну так ведь это сколько времени бы прошло! – в отчаянии воскликнула Ольга. – А тут я сегодня и вернула. Сама. По доброй воле.

– Раскаялись, так сказать? – усмехнулся Мыльников. – Раскаяние – оно, конечно, дело хорошее, однако, если подходить к делу чисто формально... Да и не раскаялись вы, а просто хотите смягчить свою участь. Нет, Ольга Михайловна, не обольщайтесь. Вас спасет не это мнимое раскаяние, а только подвиг.

– Подвиг разведчика? – уточнила Ольга.

– Ну, если вам угодно это так называть... Сотрудничество, сотрудничество и еще раз сотрудничество – вот эти три степени приведут вас на свободу.

– А по-моему, не приведут, – уныло покачала головой Ольга.

– Почему это? – искренне удивился Мыльников. – Если я сказал...

– Но ведь это только в штрафбате вина кровью смывалась. И то – по законам военного времени, – посмотрела на него Ольга. – Вы меня в штрафбат посылаете, да? Смыть вину кровью? Но время-то сейчас вполне мирное. И даже если я помогу вам одномоментно изловить какого-нибудь взяточника, все-таки по-прежнему останусь у вас на крючке. Как мелкая мошенница. Ведь этот факт из моей жизни никуда не денется. Так? А я не хочу всю жизнь трястись от страха, что когда-нибудь меня настигнет карающий меч правосудия. Придет на ваше место другой человек – и цап меня, за ушко да на солнышко. Поэтому давайте я уж лучше сейчас все перетерплю... суд и ну... наказание. Может быть... – Она замылась, потому что хотела спросить: «Может быть, и правда не посадят?», но сказала совсем другое: – Может, там, на суде, все-таки зачтут, что я вернула деньги?

Ей еще с утра хотелось заплакать, и сейчас для этого, похоже, настало самое подходящее время. Если бы не страх, что Мыльников подумает, будто она хочет его вульгарно разжалобить, Ольга с удовольствием залилась бы слезами. Но она нарочно закинула голову, чтобы самые проворные слезинки, которые уже навернулись на глаза, вкатились обратно, и постаралась придать лицу самое спокойное выражение.

– По-моему, вы не понимаете, что говорите, – сказал Николай Николаевич. – Это у вас блажь какая-то, эйфория. Вы представляете, сколько будет позора: ваших бывших сослуживцев всех вызовут в суд, вам придется давать показания перед большим количеством народа...

– Ну а там, на суде, где я буду проходить в качестве взяточника, мне разве не придется выступать перед большим количеством народа? – перебила его Ольга. – И разве это меньший позор? Но сейчас мне предстоит только за свою вину отвечать, а там еще судьба какого-то человека на моей совести окажется. Нет, я так не могу. Вы уж извините.

Анфиса Ососкова

Июнь 1995 года, Кармазинка

«Теперь у тебя губы будут как у утопленницы!»

Анфиса не выкрикнула это – только подумала. Но ощущение было такое, что голос пронесся над рекой и даже заглушил шум ливня.

Она испуганно огляделась. А вдруг кто-то слышал? Или еще хуже – вдруг кто-то видел, как она столкнула Надьку с моста?!

Анфиса резко обернулась к берегу. Что это? Кто там? Огромная собака, похожая на овчарку, стоит у кромки воды и внимательно смотрит на Анфису.

Чей это пес? Нет таких в Кармазинке, там одни мелкорослые дворняжки. Волк? Но в их окрестностях волки еще лет тридцать назад повывелись: как ветку железной дороги проложили, так они все и ушли на север, в Кировскую область, где потише, побезлюднее.

Что за пес? Откуда он взялся? Почему так смотрит? Анфиса зажмурилась, правая рука невольно поползла ко лбу – сотворить крестное знамение. Решилась открыть глаза – никого. Берег пуст!

Слава те господи... Наверняка почудилось с перепугу. Подожди, и не такое померещится!

Осторожненько, бочком приблизилась к краю моста иглянула вниз. Вокруг свай кипела вода, пузырилась, словно там,внизу, тяжело дышало неведомое существо. Анфиса резкоотпрянула, подавляя приступ тошноты, поскользнулась, облилась жарким потом, уцепилась за остававшийся край перил. Не хватало еще сейчас свалиться с моста и отправиться вслед за Надькой! То-то рада будет она небось повидаться с подружкой!

Только теперь до Анфисы дошло, что ж она натворила... Держась за перила, вытянула шею и, глядя то в небо, то в мутную воду, крикнула – сначала робко, нерешительно, потом погромче:

– Надя! Надюшка!

Вода попала ей в рот, Анфиса закашлялась. Что прокурать, как дуре? Из бучила еще никто не выплывал. Все... утопила она Надьку, утопила, словно вредливую кошку.

Анфиса медленно села на мокрые доски, не замечая тяжело секущих спину и голову дождевых струй.

В душе не было ни раскаяния, ни страха, ни горя – только холодная пустота. Она давно уже промокла до последней нитки, но не чувствовала этого. Сидела, обхватив себя за плечи, тупо глядя, как пляшут капли по щелястым темным доскам, чувствуя, что нельзя вот так, оцепенело сидеть, что вместе с дождем уходит, уходит что-то... Время? Жизнь?

Наконец пелена, окутавшая мозг, начала сползать. Анфиса подняла голову и позволила ливню вволю похлестать ее по

лицу. Эти мелкие, но жесткие пощечины отрезвляли. Стало легче, мысли уже не плавали, будто снулые рыбы, а сновали туда-сюда бодро, даже как-то лихо.

Повинуясь этим мыслям, она подползла на коленях к самому краю моста и подтянула к себе повисший над рекой край перил. Тащила что было сил, пыхтя и отдуваясь, до тех пор, пока они не встали на свое место. Анфиса соединяла разломанные края так же тщательно, как, бывало, соединяла иголочкой стрелку на колготках. Чтоб стежочек получился тоненький-тонюсенький, чтоб даже не сразу разглядеть: колготки-то на ней штопаные. Новые ведь дороженные, не укупишь!

Так. Теперь, если нарочно не присматриваться, не разглядишь, что перила сломаны. А кому это надо – топать по мосту тридцать-сорок метров и перила разглядывать? Но вдруг кто-нибудь прислонится – и... Ну, как говорится, судьба такая! Осторожнее надо быть на мостике-то, тем более над буцилом!

Ладно, это сделано. Теперь что? Для всех, для бабки и соседей, Надька сегодня вечером уехала – нет, через полчаса уедет, на восьмичасовой электричке – к Роману. Вот и пусть все продолжают оставаться в заблуждении. Уехала – и уехала. Роман же, не дождавшись ее, конечно, решит, что Надька забыла бурные летние ночи, забыла его поцелуи.

Анфиса слабо усмехнулась. Странно – воспоминание о Романи не наполнило ее душу привычной болью. Только зло-

ба всколыхнулась в душе – мстительная злоба. «Жди, жди свою Надьку! Представляй, как она валяется с кем-то другим под теми же кустами, под которыми валялась с тобой! Тогда узнаешь, каково это: думать о ком-то, изнывать, в то время как он...»

Нет, сейчас не время предаваться глупым мыслям о Ромানে. Анфиса с беспощадной ясностью осознала, что, убрав с дороги Надьку, не расчистила себе путь к Роману. Даже если бы каким-то чудом он влюбился в нее, она никогда не смогла бы забыть этого жестокого приговора: «Губы как у утопленницы...»

Анфиса снова взглянула на реку. Странное ощущение, будто там, на дне, лежит и Роман. Словно и его она утопила вместе с Надькой!

Анфиса насупилась, злясь на себя. Роман – прошлое. А надо думать о настоящем и будущем. Итак, все уверены, что Надька уехала в город. И следа ее нет в Кармазинке! Но след пока есть. След – ее сумка. Вернее, две сумки, вот эта – с одеждой и другая – забытая в старом сарае. Куда девать одежду? В реку выбросить? Отправить вслед за хозяйкой? Пускай в бучиле наряжается! Но угодишь ли в бучило? Еще всплывет сумка, еще зацепит ее крючком какой-нибудь ненормальный рыболов! Или спрятать где-нибудь в лесу, под выворотнем? А вдруг найдут? Никогда не знаешь, куда занесет городских грибников, вот притащится к участковому какой-нибудь такой чокнутый и заявит: нашел, мол... Конечно,

Анфису на мосту никто не видел, то есть хочется верить, что никто, однако вдруг кто-то заметил, как они вместе с Надькой уходили из деревни? Рискованно оставлять сумку в лесу. Вообще говоря, ее надо бы сжечь. Отнести в тот самый сарайчик, где Надька нашла Анфису, и сжечь. Но сумка изрядно промокла. А ждать, пока Надькины шмотки высохнут, у Анфисы нет времени. Да и мало ли кого привлечет пожар, который там придется устроить! Заглянет какая-нибудь соседка, хоть бы и бабка Надькина: «Что это ты, Анфисушка, делаешь, моя голубонька?» – «Да вот утопила вашу внученьку, а теперь ее вещички жгу!»

Очень смешно!

Нет, сумку лучше всего утопить. Анфиса осторожной рысью, поминутно оскальзываясь, понеслась к берегу, набрала в охапку три увесистые, обточенные водой булыги, которые иногда извергала из себя тихая Кармазинка и оставляла на маленьком галечнике, словно напоминая: нрав у тихой, спокойной речки вовсе не такой уж мирный, как кажется на первый взгляд. Бучило было первым проявлением этого прихотливого нрава, камни, неведь откуда возникающие на берегу, – вторым. Так и человек, вдруг подумала Анфиса, так и она сама: живет себе неприметно, терпит насмешки и издевательства, а потом вдруг как взбрыкнет! Кажется, воды не замутит, а вот поди ж ты... В тихом омуте, говорят, черти водятся!

Анфиса слабо улыбнулась: ей было приятно это сравнение

с любимой речкой. Так, храня на лице усмешку, она вернулась на мост, нагрузила булыгами сумку и осторожно, балансируя у перил, сбросила ее поближе к сваям. Бучило удовлетворенно булькнуло – словно бы рыгнуло. Анфиса передернулась от этого звука и, как могла быстро, побежала прочь с моста, в деревню.

Пусто, все пусто, все занавешено пеленой ливня. Сельчане боятся промокнуть, сидят по своим норам – вот и славненько! Хорошо, что живут Ососковы чуть не за околицей, только пройти через выгон, перелезть через плетень картофельного поля – и дóма, вернее, в том самом старом сарае, где недавно нашла Анфису Надька. Лучше бы не находила! Ей же лучше было бы!

Ольга Еремеева

Февраль 2000 года, Нижний Новгород

Тишина наступила в кабинете. Мыльников смотрел на Ольгу, а она смотрела на него, и вдруг ее как ожгло мыслью: какая же она дура, что не предусмотрела последствий своего отказа! Если Мыльников решит арестовать ее прямо сейчас, у нее ведь даже смены белья с собой не припасено, ни зубной щетки, ни кусочка мыла – извините за невольный каламбур, Николай Николаевич. Сухарей, конечно, тоже не засушила, а впрочем, вредно это для зубов – сухари грызть...

Неведомо, о чем думал в это время Мыльников, однако он улыбнулся:

– Не стоит принимать такие важные решения на ночь глядя. Приходите ко мне завтра утром, часиков этак... в восемь. И мы все с вами решим.

Зачем он дает Ольге эту ночь? Чтобы успела вещички собрать и сухариков засушить? Нет, это пытка. Пытка неизвестностью. Он ее на измор берет, товарищ Мыльников. Видит же, что она уже на пределе, трясется вся, руки тискает и еле удерживает слезы. Вот Мыльников и надеется, что дожмет ее, додавит. Видимо, очень уж нужна ему подсадная утка в районной администрации. Глупо думать, будто он к

ней добр. Добрый-то на измор брать не станет!

– Я приду утром, – кивнула она, и это было необдуманном поступком, потому что слезы так и воспользовались моментом, так и покатались из опущенных глаз. – Я приду утром, но только вы зря надеетесь: дескать, передумаю. Я не буду... – Тут ее голос начал срываться, дрожать, Ольга с трудом выталкивала из горла слова: – Не буду совершать этих ваших подвигов и на людей доносить. Другое дело, если бы с меня в самом деле взятку вымогали, а иначе, получается, я после этого буду провокатор, вот кто, провокатор вроде Азефа и попа Гапона. Я не буду! Понятно вам?! Ни за что!

– Что за крик? – Дверь за Ольгиной спиной резко распахнулась, и высокий плотный человек вошел в кабинет Мыльников. – Что тут у вас, Николай Николаевич?

Мыльников подскочил за своим столиком и сделал попытку встать во фронт. Но стул отодвинуть по причине тесноты было некуда, и опер застыл в полусогнутом положении.

– Извините, товарищ Васильев. Это вот Ольга Михайловна Еремеева, я вам говорил, ну, дело с Фондом занятости. Мы тут обговариваем детали нашего будущего сотрудничества. Ольга Михайловна фактически уже согласилась...

– Нет! – закричала Ольга так, что даже закашлялась. – Нет! Я не согласилась!

Это были последние связные слова, которые ей удалось произнести. Дальше в памяти мало что сохранилось – какие-то обрывки все на ту же тему Азефа и попа Гапона, и ис-

кушения малых сих, и мести взяточников ей, провокаторше, и о недостойном обращении с законом, который все-таки не дышло, как бы ни старался ее уверить в противном товарищ Мыльников. Вроде бы выкрикнуто было также и о том, что министры-президенты страну всю разворовали, а вы, милиционеры, прыщики выдавливаете там, где их видом не выдали, слухом не слышали, гоняясь за нищими училками и врачами, которые лишней нулик к своей зарплате пририсовали, чтобы пособие по безработице побольше получить. Вам, дескать, надо профилактикой преступлений заниматься, а не ловушки на кроликов ставить там, где охотятся тигры. Профилактикой, понятно вам? Кажется, не обошлось и без упоминания о штрафах за безбилетный проезд...

Может, она и еще о чем-то вопила, Ольга потом не помнила. Но постепенно до ее сознания стало доходить, что в кабинете звучит не только ее пронзительный крик, но и еще один голос – негромкий, спокойный и настойчивый, который безостановочно твердит:

– Тише. Тише, прошу вас. Успокойтесь. Успокойтесь, Ольга Михайловна, ну не надо так...

Сначала эти слова не имели никакого смысла, но постепенно Ольга начала не только слышать, но и видеть – серые встревоженные глаза, морщины на лбу, мягкие волосы, которые все время падали на этот лоб, и человек досадливо отводил их.

Ольге стало неловко, она замолчала. Человек улыбнулся

с таким явным облегчением, что ей захотелось провалиться сквозь землю. Это ж надо, как она его напугала!

– Все, ну все, – сказала она, стыдливо отводя глаза. – Все прошло.

– Ну, вот и хорошо, – мирно сказал он. – Вы теперь домой идите. Может, вам такси вызвать? Или на маршрутке доберетесь?

– На троллейбусе, – уныло уточнила Ольга еще хриплым голосом. – А завтра во сколько приходите? Я же сказала, что не буду...

– Да я слышал, слышал, – махнул рукой человек, снова убирая волосы со лба. – Не будете. Тем паче что надобности такой нет. Вы просто идите домой, вот и все.

– И завтра не приходите? – недоверчиво спросила Ольга.

– Ни завтра, ни послезавтра.

– А как же это... мелкое и среднее мошенничество?

– Никак. Вы деньги вернули? Заявление в Фонде написали, что снимаетесь с учета и просите больше вам ничего не переводить?

– Да.

– Ну и все, и бог с вами. Идите, идите!

– А Николай Николаевич сказал, что мне возврат денег не будет зачтен судом, – Ольга все еще никак не могла поверить своему счастью.

Человек с мягкими волосами воздел очи горé.

– Николай Николаевич ошибся, – сказал он устало. – Бы-

вает же, что человек ошибается, правда? И до свидания, нам тут еще надо немножко поработать.

– Извините! – Ольга метнулась к двери. – Извините, ради бога! Я тогда и правда пойду. До свидания!

– Всего доброго, – сказал незнакомец.

– Всего доброго, – тихим эхом отозвался Мыльников, не глядя на Ольгу.

Она тоже не удостоила его прощальным взглядом. Вышла в коридор на ватных ногах, все еще не в силах осмыслить чудо, которое с ней произошло.

Кто этот всевластный спаситель? Может, сам господь бог послал ей на помощь своего ангела? В этот миг взгляд ее упал на дверь, мимо которой она проходила, и Ольга прочла на табличке: «Начальник отдела по борьбе с экономическими преступлениями Васильев М.И.»

Васильев... Бог ты мой! Да ведь Мыльников назвал этого человека «товарищ Васильев»! То есть на помощь Ольге бог послал не ангела, а кое-кого покруче – мыльниковского начальника!

Господи, а говорят, у всех милиционеров окостенелые сердца и души. Начальник отдела, подумать только, ради какой-то мелкой (или все-таки средней?) мошенницы взял на душу такой грех – отпустил ее на свободу, а Ольга его даже не поблагодарила толком. Точно – даже спасибо не сказала. Надо вернуться и...

Все внутри у нее заледенело при мысли, что придется воз-

вернуться в тот ужасный кабинет с палачихой-традесканцией, только и ждущей небось, когда Ольга снова окажется в ее власти. Опять увидеть усталые, но... усталые, словом, глаза Мыльникова? Жутко не хочется! И даже спасителя своего видеть Ольге не хотелось, однако неблагодарность никогда не принадлежала к числу ее многочисленных недостатков, а потому она сделала довольно неуклюжий поворот и прокрадась к двери кабинета 313.

«Чего ж я крадусь как дура?» – мысленно спросила Ольга то ли себя, то ли кого-то другого – и тут же получила прямой и непосредственный ответ.

– А что мне прикажешь делать, – донесся до нее свирепый голос, в котором она едва узнала ласковый, успокаивающий баритон Васильева, – после того, как ты мало что операцию провалил, так еще и разболтал ей все? Разболтал ведь? Она знала, что ей конкретно предстоит делать? Знала, знала, не юли. А ведь она деньги вернула, заявление в Фонд написала. Ты ж понимаешь, что ее теперь даже первокурсник с юрфака на суде отмажет. Да какой суд! Передай только дело в прокуратуру – тебя на смех поднимут. Все, она теперь чиста. Зачем ты ее дожимал, ну зачем? И вот добился! Скажи спасибо, если эта истеричка сейчас не пойдет в какую-нибудь поганую газетенку или вовсе в «Итоги дня», не заложит нас и грязью не обмажет. А если донесет Сафьянникову из районной администрации, на которого ты лапу готовился наложить? Извини, но жаль, что не могу дать тебе по физионо-

мии за твою дурь. Придется выговором ограничиться, но это будет оочень строгий выговор, понял?

Ответа Мыльников Оляга ждатель не стала. Она сделала проворный разворот и, чуть касаясь ногами пола, понеслась к лестнице.

Она ничуть не обижалась на товарища Васильева за то, что назвал ее истеричкой. Она была ему страшно признательна за то, что он хотел дать Мыльникову по морде! Оляга и сама испытывала страстное желание сделать это. Но придется смириться с нереальностью своего желания. А еще... а еще придется смириться с тем, что она, кажется, нажила в лице Николая Николаевича себе большого врага. Если он сможет, то непременно отомстит – это Оляга отчетливо прочла в его прощальном взгляде, а его «вс-с-сего добр-рого!» более напоминало свист гремучей змеи, которая пугает жертву, готовясь к броску. И для Оляги Еремеевой существует единственный путь избежать этой мести: больше не попадаться товарищу Мыльникову в руки. Не входить снова в эту реку, не наступать на те же самые грабли.

Да что она, большая, что ли, – опять впутаться в какую-нибудь авантюру?!

...Тогда казалось – это так просто! Но судьба, почему-то затаившая на Олягу злобу, не просто впутала ее в авантюру, но вырыла на ее пути натуральную яму. И охотником, пришедшим заклать жертву, был не кто иной, как старый знакомец Мыльников.

А самое смешное, что речь снова шла о взятках.

Надежда Гуляева

Апрель 2001 года, Северо-Луцк

– Надежда Сергеевна, вы?

Она сразу узнала участкового Симагина, хотя голос в трубке был такой встревоженный, запыхавшийся, что казался незнакомым.

– Привет. Я, разумеется, а кто еще по моему мобильнику ответит?

– Да, конечно. Это я так, сдуру... Поговорить можете?

– Что-то срочное? Две минуты тебе хватит?

– Постараюсь уложиться.

– Ну, давай. Время пошло.

– Надежда Сергеевна, я сегодня был на Овражной, по вызову... Там снова проблемы.

– Снова? Что, наши братцы подрались из-за девки? – усмехнулась Надежда и не удивилась, расслышав в голосе Симагина слабый укор:

– Надежда Сергеевна, вы же понимаете, о чем я.

Она нахмурилась: неужели...

– Только не говори, что опять приехала эта убогая!

– Не она. Двое других. Ходили по подъезду, расспрашивали про вас. Ну, и про квартиру, и про Алима Минибаевича, конечно. Про все, про всякие мелочи, даже про собачку,

помните покойного Роджера?

Помнила ли она Роджера? А как же, помнила!

– Двое, говоришь? Кто?

– Мужчина и женщина, лет по тридцать. Он высокий, глаза голубые, волосы светлые, она – тоже высокая, волосы русые, глаза серо-зеленые – говорят, красивые глаза.

– Кто говорит? – зло спросила Надежда. – Азеры? Ну, этим охлобуям любые зенки, лишь бы не черные! А подробнее не могли описать? Вообще, кто они, эти люди, откуда взялись?

– Выяснить не удалось, – скромно сообщил участковый.

– Не удалось?! Ах ты мент хренов! За каким же лешим ты там посажен сидеть, а? Почему бы не оторвать задницу да не пробежаться, не поискать?

Симагин терпеливо переждал вспышку господского гнева – молчал, пока Надежда не успокоилась и не спросила более миролюбиво:

– Уверен, что без Вальки обошлось?

– Что ее здесь не было? Уверен. Это другие.

– Ладно, Симагин, – угрюмо сказала Надежда. – Ищи. Ищи, понял? Твоя работа. Что-то узнаешь толковое – позвони. Поговори, кстати, с Розой, может быть, к ней уже кто-то обратился?

– Обязательно! – обрадовался ценному указанию Симагин и положил трубку, пообещав немедленно позвонить, ежели что.

Да, помощничек у нее... Хороший мужик Симагин, но не Шерлок Холмс, нет, не Шерлок! Вечно нужно под зад коленкой пихать, чтобы шевелил этим самым задом и отработывал свой кусок хлеба с маслом.

Что за люди? Откуда взялись? Откуда эта уверенность, что их появление, безусловно, связано с зимним приездом Валентины и является не чем иным, как его пренеприятнейшим продолжением?

Надежда покачала головой. Вот и не верь после этого в предчувствия! Уже под утро, когда снятся самые вещицы сны, она видела довольно отвратительную картину. Будто какая-то старуха мажет навозом двери бывшей Алимовой квартиры в старинном доме на Овражной, 42. Причем так щедро и старательно мажет, что номера квартиры – 14 – уже не видно под этой вонючей гадостью. Самое удивительное было то, что Надежда даже запах чуяла. И еще было нечто странное. Когда Надежда – во сне, понятное дело! – заорала благим матом на эту мерзкую старуху и та оглянулась, выяснилось, что это не кто иная, как Глебовна. Глебовна – благодетельница, Глебовна – мать родная, нет, ближе и дороже матери, может быть, единственный на всем свете человек, которого Надежда истинно любила и почитала, с мнением которого считалась и смерть которого оплакивала взхлеб, хотя, не исключено, сама же эту смерть приблизила.

А может, и исключено! Может, инфаркт хватил Глебовну в силу естественных причин, а вовсе не потому, что она

узнала: ее ненаглядная, такая-сякая, немазаная Наденька работает вовсе не ночной няней в детсаду, а стриптизершей в ночном клубе, принадлежащем самой одиозной фигуре в городе – Алимю Абдрашитову. Схожую ситуацию Надежда потом видела в популярном фильме «Интердевочка» и сочла ее большой дурью и чисто кинематографической натяжкой...

Но вернемся к тому сну. После него Надежда проснулась в слезах – то ли ярости, то ли бессильной злобы, то ли жалости – правда, неведомо, к себе или покойной Глебовне. И чуть не впервые за последние три года не вскочила сразу с постели, не включила видеокассету с записью шейпинга, не начала задирать ручки-ножки и мучить пресс, вкупе с косыми мышцами талии, а долго лежала в постели, обдумывая гадостный сон и вспоминая Глебовну.

Грязь, вонь – это определено к неприятностям. К пако-стям каким-то. Да и покойники, конечно, к чему-то хорошему не приснятся никогда. Даже такие золотые бабульки, как Глебовна...

Ольга Еремеева

Январь 2001 года,

Нижний Новгород

...И снова лезла в глаза традесканция, и снова глядел исподлобья Мыльников, только теперь глаза его не были ни усталыми, ни добрыми – в них плескалось неприкрытое торжество.

– Я не брала, говорю вам: я не брала! – осипшим голосом твердила Ольга.

– Ну да, конечно, это *вас* на живца взяли, – с понимающей усмешкой кивнул Мыльников, и в его желтоватых глазах была такая неприкрытая издевка, что Ольге пришлось крепко взяться обеими руками за стул, чтобы не броситься на этого мерзавца и не надавать ему пощечин. – Студенты организовали против вас провокацию, это вы хотите сказать? А почему, зачем – вам в голову не пришло? Бессмысленно же все. Ну какие могут быть счеты к вам у Натальи Зыряновой?

Ольга вскинула на Мыльникова глаза.

– Между прочим, как раз у Натальи Зыряновой счеты ко мне есть. Я ведь ее до экзамена не допустила. Она вам этого не сообщила вместе с прочими своими клеветническими измышлениями?

– Отчего же, сообщила, – спокойно кивнул Мыльников. –

Информировала, что слезно просила вас отменить эту драконовскую меру, позволить сдавать практическую ветеринарию вместе со всей группой, а вы согласились только при условии получения mzды. И назвали сумму.

– Никакой суммы я не называла! – Ольга с яростью отбросила от лица плети традесканции.

– Поосторожнее с растением! – предупредил Мыльников, и глаза его так сверкнули, что Ольга поняла: оборви она хоть один листочек с ненавистой травы, этот противный опер посадит ее за порчу государственного имущества в особо крупных размерах.

В это время голубоглазый коллега Мыльникова, до сей минуты молчаливо сидевший на обшарпанном подоконнике (больше в кабинетике притулиться было негде, разве что под вешалкой в углу), вдруг соскочил на пол, навис над Ольгой, осторожно вынул из прибитого к стене кашпо горшочек с традесканцией и водрузил это пыточное устройство на сейф. А сам вернулся на подоконник, забравшись на это узкое и неудобное место с той легкостью, с какой птица взлетает на насест.

Оба – и Мыльников, и Ольга – были так ошарашены, что на какое-то время умолкли. Только и переводили глаза с традесканции, которая почему-то сразу утратила всю свою агрессивность и выглядела теперь довольно убого, на этого парня и обратно.

Вид у него был весьма угрюмый, если не сказать разгне-

ванный. Причем Ольге почему-то показалось, что чувства эти имеют отношение не к ней, а к Мыльникову. Видать, оперу тоже это почудилось. Во всяком случае, его вопрос, обращенный к этому парню, был задан довольно заискивающим тоном:

– Родион Петрович, слушай, может, ты уже пойдешь? Я понимаю, ты человек занятой, а я тебя от каких-то дел оторвал...

– Что ж, я тебе больше не нужен? – глянул на него голубоглазый с прежним неприязненным выражением, и Ольга едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть испуганно: нет, пожалуйста, не уходите! Остаться с Мыльниковым наедине было до того страшно, что ее даже озноб пробрал. Не то чтобы она боялась: вот он накинется на нее и начнет избивать или, к примеру, насиловать. Но он наслаждался зрелищем ее унижения, он хотел отомстить, сломить ее. А ей было легче умереть, честное слово, чем сломаться перед ним.

– Да, пожалуй, теперь уже нет, – ответил своему приятелю Мыльников и даже привстал и даже руку начал протягивать на прощание, однако тот и не шевельнулся на своем насесте.

– Ничего, я еще посижу немного, – сказал он сухо. – Мало ли, вдруг на что-нибудь сгожусь.

Лицо Мыльникова снова приняло озадаченное выражение, а Ольга вздохнула с явным облегчением. Николай Николаевич покосился на нее.

– Продолжим, что ли? Прошу вас перечислить тех студен-

тов, которых вы принуждали платить вам за допуск к экзаменам и сдачу их. Имейте в виду, у нас все эти сведения имеются, я просто призываю вас сделать добровольное признание.

– И что потом? – остро взглянула на него Ольга. – Скажете, что мое признание не имеет никакого значения, а чтобы выйти на свободу, мне сначала надо совершить подвиг? Подвиг разведчика, да?

Мыльников побагровел.

– Какой подвиг? – удивился парень по имени Родион.

– Не обращай внимания, – торопливо отмахнулся Мыльников. – Это детали наших отношений с гражданкой Еремеевой.

Ольга поняла, что об этих «деталях» приятель опера не имеет представления. Более того, Мыльников почему-то очень не хочет, чтобы Родион о них узнал.

– Вернемся к нашему делу, – торопливо сказал он. – Итак, я жду...

Ольга задумчиво посмотрела на него. А не поставить ли этому мерзкому Николаю Николаевичу клизму с гвоздями и не сообщить ли Родиону о некоторых деталях прошлогодней вербовки разведчицы Еремеевой (кличка Азеф, она же – поп Гапон) в этом самом кабинете? Но до чего тошно возвращаться ко всей этой гадости! И вдобавок она устала, она так вдруг устала!

– Послушайте, – с тоской сказала Ольга. – В первый раз я не отрицала свою вину, потому что она была очевидна. Вы

просто логически рассудите: раз я умею признавать поражение, значит, и сейчас не стала бы ничего отрицать. Если бы что-то было. Но раз я так упорно стою на своем, значит, мне просто нечего признавать. Нет, в самом деле: я-то совершенно точно знаю, что ни в чем не виновата, что никаких взяток ни у кого не вымогала – ни у Зыряновой, ни у кого другого. А если это допустить, то логика подсказывает...

– Логика? – неприятно хмыкнул Мыльников. – Логика, говорите? И что же она подсказывает? Что студентка Зырянова вас оклеветала из мести? Нарочно подсунула вам пятьсот рублей? Ну, это чепуха. Я хорошо знаю семью Зыряновой, живут они не сказать что бедно, однако достаточно скромно, для нее пятьсот рублей – немалая сумма...

И осекся. Он сообразил, какую допустил оплошность! И Ольга не замедлила воспользоваться этой оплошностью:

– Вы знаете Наталью Зырянову? Так вот почему она обратилась именно к вам! По знакомству, да? Погодите... а вы случайно не вместе с ней всю эту историю затеяли?

– Да вы что?! – скособочившись, вскочил из-за стола Мыльников. – Вы в своем уме?! Да я своим глазам не поверил, когда увидел вас в этой аудитории!

И они замерли, с ненавистью уставившись друг на друга.

Анфиса Ососкова

Июнь 1995 года, Кармазинка

В сухом, пахнущем гарью и пылью сарае вдруг оказалось неожиданно тепло. Анфиса содрала с себя мокрую платку и белье, напялила старую-престарую отцовскую телогрейку, которая висела на ржавом гвоздике. Отец был малорослый, телогрейка едва доходила Анфисе до бедер. А, плевать, что щеголяет с голым задом – никто ее тут не увидит. Ну а вдруг увидят? И тогда то, что она так старательно скрывала от всех, чего даже Надька не видела... Нет, сейчас сюда никто не придет. Дождь все чаще стучит по крыше, ветер все сильнее бьет в стены. Никто и собаку в такую пору из дому не выгонит!

Странными глазами смотрела Анфиса на черный пепел, оставшийся от соломенной куклы. А ведь магия все же доконала Надьку! Пусть не огонь ее взял, так вода. Тоже стихия необоримая...

Анфиса взяла старое худое ведро, натолкала в него щепок, какого-то бумажного мусора. Нашарила спрятанные под балку спички, зажгла огонь, дождалась, пока займется пламя, подобрала с пола дешевенькую Надькину сумочку (ручка была в двух местах обмотана изолентой) и открыла ее.

Первым в глаза бросился листок, исписанный резким, крупным почерком. Да это же письмо Романа! Прочитать,

что ли? Нет, Анфиса не из тех, кто с наслаждением обдирает засохшую коросту с поджившей болячки. В огонь письмо. В огонь Надькину записную книжку, застиранный носовой платок, две бумажные салфетки и пачечку с надписью «Кондом». Это называется – постоянная боевая готовность! Блядешка была эта Надька, царство ей небесное, первостатейная блядешка. Затем в ведро отправились кошелек и косметичка из кожзама. Эта последняя – вместе со всем своим содержимым: почти пустым патрончиком помады и пудреницей с треснутым зеркальцем. Не зря говорят: плохая примета – носить с собой разбитое зеркало. Надо сразу выбрасывать, не то накличешь беду. Надька не выбросила – вот и... Из кошелька Анфиса, поколебавшись примерно две-три секунды, вынула две полусотенные бумажки, девять сотняг и несколько десятков – шесть, если быть точной. Ого! Больше тысячи рублей! Не иначе подружка обобрала бабушку, которой только вчера принесли пенсию, да небось еще и Ромка ей чего-нибудь оставлял. Надьке эти деньги теперь ни к чему, а у Анфисы должно же хоть что-нибудь остаться на память о подруге!

Она слабо хихикнула и достала наконец со дна сумки еще один носовой платок, в который были завернуты документы. Так... Надькин паспорт, свидетельство о рождении. Аттестат об окончании средней школы и ведомость с оценками. Конечно, все тройки, тройки, одна четверка, да и та по физре. Ха-ха, даже брачное свидетельство ее покойных ро-

дителей! Основательно собралась Надюшка в новую жизнь. Запаслась всем, чтобы уж ни за чем, ни за какой малостью не возвращаться в Кармазинку. Анфиса задумчиво опустила в пляшущее пламя носовой платок, потом сняла обложку с паспорта, бросила в ведро – и вдруг рука ее замерла.

Какая-то мысль мелькнула в голове – такая странная мысль, более похожая на неразличимую, бесформенную тень. Словно бы незнакомый человек вышел из-за ее левого плеча, скользнул мимо Анфисы, уже как бы совсем миновал ее, а потом вдруг обернулся, посмотрел укоряющими темными (она почему-то отчетливо знала, что темными!) глазами и слегка покачал головой: что ж, мол, ты делаешь, дура набитая?

– А что? – растерянно спросила Анфиса и даже вздрогнула от звука собственного голоса. Еще не хватает свихнуться и начать сама с собой разговаривать.

Значит, как обстоят дела? Ни Надюшки, ни Ромки у нее теперь не осталось. Не осталось даже безнадежной любви и жгучей ревности. А ведь они изрядно-таки наполняли и будоражили ее существование. Теперь, по сути дела, жизнь ее сведется к полному и беспросветному одиночеству, к общению с вечно пьяным отцом и с Надькиной бабкой, которая сначала будет донимать Анфису проклятиями в адрес беспутной внучки, а потом помягчает, отойдет, начнет вспоминать о Надьке только хорошее и достанет-таки бывшую внучкину подружку охами и ахами о том, как славно, должно

быть, живется Надюшеньке теперь в городе. А Анфиса будет слушать и слушать, исходя ненавистью к глупой старухе и грызя себя изнутри невозможностью выкрикнуть ей в лицо: «Да заткнитесь вы! Противно слушать эти бредни! Вашу Надьку давным-давно рыбы съели!»

Да, только это останется ей. А еще – вечный страх: вдруг кто-то видел, как она столкнула с моста Надюшку? Метаться в четырех стенах, слушать причитания старухи, пьяное бормотание папашки, вздрагивать при всяком шорохе: а вдруг это за ней идут? Не случится ли так, что однажды она снова позавидует Надюшке, которая тихо-тихо спит на дне бучила, а может, сделалась русалкой, вышла замуж за водяного, если за Романа не удалось... Вот если бы можно было исчезнуть из Кармазинки, причем исчезнуть безвозвратно, бесследно, так, чтобы даже тени воспоминания об Анфисе Ососковой ни у кого не возникло. Была – и нету. Где теперь – неведомо, хоть с собаками ищите!

Кстати, а что за собака была тогда на берегу? Была – или померещилась Анфисе?

Вот леший, ну какая чушь в голову лезет! Не о собаке надо сейчас думать, не о собаке, а...

Она открыла паспорт и долго смотрела на худенькое глазастое личико шестнадцатилетней Надежды Сергеевны Гуляевой. Фото сделано семь лет назад. До чего изменилась Надюшка с тех пор, раздалась, щеки округлились. Вдобавок она тогда долго болела, очень похудела, а это ей шло. Здесь

у нее глаза побольше, ну прямо как у Анфисы, носик даже не смотрится такой уж картофелинкой, вполне аккуратненький, неряшливые, толстые губы благонаравно поджаты. Волосы Надюшка в то время носила длинные, это через год-другой она стала жутко стричься, а тогда, помнится, они с Анфисой щеголяли друг перед дружкой своими роскошными гривами, рыже-каштановой и темно-русой, а потом сравнивали фотографии в паспорте, на которых эти гривы получились одинаковыми – черными. Ну понятно, фото ведь черно-белое, какими еще волосы могли получиться? Да, Надюшка очень изменилась. Тогда она выглядела почти хорошенькой, даже чем-то напоминала Анфису.

Стоп!

Снова это странное, неопишное ощущение, как будто кто-то проходит мимо, вернее, скользит тенью, потом оборачивается и смотрит, с укоризной щура темные глаза: «Дурочка, ну что ж ты делаешь, дурочка, почему упускаешь ту самую возможность, о которой сто и двести раз просила судьбу?»

А о чем она просила судьбу? Много о чем. О деньгах, о Ромкиной любви, о смерти Надюшки, о том, чтобы уехать из Кармазинки, начать другую жизнь, чтобы каким-то чудом изменились ее имя и фамилия, из-за которых, по убеждению Анфисы, у нее и сложилась такая вот нескладная участь...

Деньги у нее теперь есть, чуть больше тысячи рублей – не бог весть что, конечно, но все-таки они есть. Надька умерла,

Ромкина любовь для Анфисы вдруг утратила свою привлекательность и даже будто не нужна. То есть кое-что сбылось. Осталось уехать из Кармазинки и получить другое имя.

Например, имя Надежды Гуляевой.

Анфиса прижала к груди Надькин паспорт. Нет, бред... Нет, не бред! Тот, с темными глазами, одобритительно кивнул: правильно, мол, мыслишь, девочка! Возьми этот паспорт, спрячь его. Быстро, прямо сейчас, собери свое скудное, еще даже более скудное, чем у Надьки, барахлишко, документы и паспорт, фотография в котором так похожа на Надькину... Забеги к ее бабке и попрощайся с ней: дескать, вы знаете, что ваша внучка к любовнику уехала, так она и меня с собой позвала, она меня уже ждет на станции, вы же знаете, что мы как были задушевными подружками, так и остались не разлей вода!

Не разлей вода... Вот уж правда-истина! Анфиса подавила истерический смешок, прижала руки ко лбу, чтобы не потерять мысли.

Сделать все это. А потом – потом на станцию. На последнюю электричку. Только не во Владимир, а в другом направлении – в Северо-Луцк. Это дальше. Это безопаснее. Можно, конечно, и в Москву податься, однако Анфиса всю жизнь испытывала какой-то первобытный страх перед столицей и неискоренимую провинциальную ненависть к ней.

Нет, она поедет не в Москву. Сядет в поезд в Кармазинке Анфиса Ососкова, а в Северо-Луцке выйдет... Надежда Гу-

ляева. И все в ее жизни переменится, она это знает, она это всей душой чувствует! Как только с нее будет стерто клеймо ненавистного имени, она сразу станет другой и судьба ее станет другой.

Скоро – в 25 лет – надо будет менять фото на паспорте. Тут-то уж Анфиса наклеит свое собственное фото. И всё, и все следы будут полностью заметены. Кто будет ее искать? Отец, которому все по барабану? Бабка Надькина, выжившая из ума? Ну, ищите ветра в поле!

Какие-то мелкие возражения роились в голове, что-то насчет жилья, где она будет вообще-то жить в Северо-Луцке, и к паспорту может-таки кто-нибудь прицепиться, и как, куда на работу устроиться, и все такое, но Анфиса отмахивалась от этих мыслей с досадой, словно от надоевших мух. Отчего-то она была совершенно убеждена, что все устроится, все уладится наилучшим образом! Тот, темноглазый, уже никуда не уходил – он шнырял вокруг, подмигивал одобрительно, только что не шептал: «Молодец, ай молодец, девчонка!»

И вдруг до нее дошло, кто это был, – не зря же Анфисе показалось, будто он вышел из-за ее левого плеча! Там, как известно, у всякого таится бес-искуситель. Иногда он тихо-тихонько, едва слышно смеется над человеком, которого ему удалось-таки искусить...

Родион Заславский

Январь 2001 года,

Нижний Новгород

Родион, сидевший на подоконнике, неприметно кивнул. Коляшка не врал: он был искренне поражен, когда узнал преподавательницу. То есть раньше он даже не предполагал, кто именно требовал взятку от его малолетней приятельницы. Ну, ясно как день: Наталья Зырянова попросила заняться этим делом своего знакомого, чтобы злодейская вымогательница и угнетательница студентов уж точно не сорвалась с крючка. Воспользоваться знакомством – дело самое обыкновенное, ничего тут предосудительного нет, хотя с моральной точки зрения...

Да бог с ней, с этой самой моралью. С какой точки зрения ни смотри, Родиона не оставляет уверенность: что-то в этом деле нечисто.

Во-первых, во-вторых и в-третьих, эта самая Наташа Зырянова, коротконогая малолетка, была из тех особ, которые всю жизнь вызывали у Родиона если не отвращение, то опасения. И в юности – чисто интуитивные, и в зрелые годы – уже выработанные жизненным опытом. К такому типу, между прочим, принадлежала жена его бывшего компаньона, Люся Пилюгина, хоть та как раз вымахала дылда дылдой

и ноги имела оптимальной длины. Было в обеих что-то туповато-хитрое – весьма опасное, змеиное сочетание! Такие не перегружают себя избытком учебы или труда – они и так получают от жизни все, чего хотят (а конкретный «список» всего желаемого формируется у них уже при рождении), и неважно, каким путем. Чаще всего берут своим горлом или вырывают из чужого.

Малышка Зырянова очень напоминала Родиону Люсю Пилюгину. И этого было достаточно, чтобы не доверять ни одному ее слову и остерегаться каждого ее поступка. Как же могла быть Еремеева такой неосторожной, чтобы...

Родион покачал головой. Он почему-то не сомневался: если Ольга Еремеева, какой бы плохой-нехорошей она ни была, решила не допускать Зырянову до экзамена, значит, та и в самом деле этого не заслуживала. Что же касается Ольги, вернее сказать, Ольги Михайловны, – она отнюдь не производила впечатление идиотки. А только идиотка, вернее, дура круглая, дура в квадрате и кубе могла: во-первых, связаться с такой ненадежной особой, как Зырянова, в таком деликатном деле, как получение взятки; во-вторых, сделать это на глазах у всех, во время экзамена; в-третьих, разрешить в это время видеосъемку.

Не нужно было много времени, чтобы Родион проникся убеждением: на самом деле никакого вымогательства взятки и всего прочего не было. Не было – вот и все. Наташа Зырянова решила крупно отомстить не в меру ретивой препода-

вательнице и сделала это, надо сказать, с блеском, приведя в действие самые мощные ресурсы – от современной техники (видеокамера) до боевых подразделений (знакомый милиционер), причем ее организаторскому таланту можно было только позавидовать. Кстати, очень возможно, использовать видеокамеру посоветовал ей Николай. И вот вам результат: ненавистная угнетательница, совершенно раздавленная случившимся, ввергнута в узилище. Еще не совсем, конечно: Мыльников при всем желании (а оно было начертано на Коляшином лице просто-таки аршинными буквами) не сможет пришить Ольге Михайловне серьезного обвинения. Что там говорила Зырянова о содержании своего бессмертного творения видеоискусства?

«Мы все входим в аудиторию, занимаем места, подходим к столу за билетами, я кладу под бумажки конверт», – вспомнил Родион ее слова – и вопрос Мыльникова: «Снято, как она взяла конверт?» Зырянова ответила отрицательно, Коляша огорчился. Закономерно возникает еще такой вопрос: почему преподавательница оставила конверт на столе, вынув деньги? Гораздо проще было сунуть все в сумку, а она практически на глазах у всех доставала эти деньги, рискуя быть замеченной. Ну не глупо ли? Еще один довод в пользу того, что конверт был изначально пуст, а в сумке у Еремеевой Коляша нашел ее собственные деньги.

Интересно, сам Николай понимает, что малышка Зырянова его заведомо обманула? Родиону хотелось бы думать, что

друг его искренне верил, что помогает обличить злостную взяточницу. Но слишком многое мешало этому. Во-первых, операция проходила в субботу. В выходной день, когда даже в милиции многие отдыхают. Нет, дело даже не в субботу, с расписанием экзаменов не поспоришь. Во-вторых, на это дело Коляша пригласил с собой для компании приятеля, ну, друга детства, а не кого-то из ребят, сотрудников отдела. Родион почти не сомневался, что Володя, Андрей, Сережа, другие знакомые ему парни, пусть поскрежетав зубами, но вышли бы все-таки на работу в выходной – раз надо. Возможно, Николай никого из них не попросил об этом именно потому, что гораздо проще заморочить голову неискушенному дружку Родику, чем проницательным, опытным ментам? Гораздо проще использовать его?

Родион огорченно качнул своей замороченной головой. Проколосся с ним Коляша, вот какая беда случилась. Недооценил дружка Родика! А он очень не любил, когда его недооценивали. Не любил также, когда его нагло использовали. Иначе же чем наглостью поведение Коляши назвать было нельзя.

Родион исподлобья наблюдал за приятелем. А ведь он ни разу не видел Николая за работой, так сказать, в деле. Хотя нет – раза два или три приходилось присутствовать при задержании этих самых «экономических преступников», чтобы потом написать по просьбе начальника отдела Васильева статьи для милицейской многотиражки. Но в тех операциях

Мыльников участвовал не один. А вот наедине с «объектом» Родион наблюдал Николая впервые. И ему очень не нравилось это новое лицо старого друга!

Понятно, что Коляша жаждет отомстить женщине, которая его когда-то крупно подвела. Но ведь это все-таки женщина! Видно же, что она еле держится, только непомерная гордость помогает ей огрызаться в ответ на угрозы и издевки Мыльникова. Разве можно так дожимать ее, так давить на нее, так грубить? Тем более что Коляша определенно знает, что Еремеева никакой взятки не брала, ни в чем она не виновата, Наташа Зырянова просто-напросто свела с ней счеты за чрезмерную строгость, а может быть, и еще за что-то.

Вопрос – за что?

Еще один вопрос: почему Мыльников так старается ради этой довольно несимпатичной девчонки?

И вопрос самый главный: как все это проверить?

Егор Царев

Май 2001 года, Агадир

«Это ж надо так купиться! Так бездарно купиться! Правда что – клюнули на живца. Как те акулы. Но акулы ловятся только в феврале. А нас всех поймали в мае месяце. Говорят, акулы – умнейшие твари, даром что рыбы. А мы, все мы... идиоты, идиоты».

Хотя, с другой стороны, что уж тут особенного? Туристы на то и существуют, чтобы их дурили и обирали гиды. Главное, никто ведь никого не заставлял выкладывать полсотни баксов и тащиться на катере по бурным морским волнам ловить морских хищников. Никто никому не мешал заранее пораскинуть мозгами и элементарно подсчитать: в неделю приезжают пять-семь тургрупп, для каждой из которых устраивается «охота на акул» – то есть за год надо прикончить... так, считаем: 48 (количество недель в году) умножить на пять (возьмем минимум поездок), получается 240 акул. Учитывая, что до места лова надо плыть три часа на довольно тихоходном катере, лов должен происходить практически в виду Агадира. То есть поблизости от побережья Марокко лютые морские зверюги просто-таки косяками ходят, вроде знаменитой сардинки, а все курортные пляжи следует огородить металлической сеткой и усилить береговую охрану,

пока что представляемую одним-двумя сонными маврами.

Короче, элементарная логика должна была подсказать: толстобрюхий потный гид Константин Васильевич заливает. Но какой же русский не любит быстрой езды по Атлантическому океану за жалкой акулешкой! И народищу записалось в группу охотников очень даже немало – человек тридцать. Сначала, с часик примерно, все радостно взвизгивали, когда катерок «Абу Карим», что в переводе с арабского означает «Предок Карима», «Папа Карима» или «Пахан Карима», кому как больше нравится, взлетал на зеленых волнах высотой с трех... ладно – с двухэтажный дом. Потом народ начал потихоньку уставать от однообразия открывающихся впереди бескрайних морских просторов и остающегося позади вида на бетонный завод, подаренный некогда, лет двадцать назад, Агадиру Советским Союзом после жуткого землетрясения, которое фактически уничтожило город. Кто дремал, кто откровенно спал, кто укрылся от порывов ветра в каюте. Наконец на носовой палубе остались только трое: Егор и эта парочка.

Не стоит строить из себя целку и скрывать: записался Царев на экскурсию после того, как «Надежда Гуляева» и ее спутник изъявили горячее желание охотиться на акул. Причем их желание было настолько заразительным, что ему невольно подчинились многие. Остальные оказались не столь подвержены заразе любопытства, но, судя по азартному блеску в глазах Константина Васильевича, и такое ко-

личество идиотов было рекордным. И если остальные, повторимся, уже пресытились однообразием зеленых морских волн, то «Надюшка» и Родион (парня с голубыми глазами звали этим претенциозным именем) наслаждались жизнью. Выразалось это в следующем: они сидели в обнимку на боковой лавочке, как бы не обращая внимания на тучи брызг, о чем-то тихонько ворковали, сблизив лица (справедливости ради следует сказать, что иным образом говорить под рев «Папы Карима» было невозможно), иногда поднимались размять ноги и, цепляясь за поручни, нависали над зеленой глубиной, причем Егор в такие мгновения испытывал дикое, почти неконтролируемое желание подкрасться сзади и отвесить парню увесистый пинок в его обтянутый джинсами, крепкий и довольно-таки сексуальный зад. Однако прошло уже довольно много времени с тех пор, как он научился подавлять даже самые неконтролируемые желания, школа у него в этом смысле была что надо, учителя – один к одному, а потому он сидел себе нога на ногу и покуривал, жалея, что ветер относит дым в противоположную от этих голубков сторону и он, Гоша Царев, ничем, хотя бы такой малостью, не может им досадить.

Потому что он был для них натурально пустое место. Просто какой-то качественно прикинутый хмырь с сигареткой, прилипшей к губе, и пустым взглядом. То есть они были настолько увлечены собой, что даже не замечали: хмырь за ними откровенно следит! Воробны, конечно. Но – воробны высо-

кого полета!

«Что все это значит? Почему им понадобилось выдать эту телку за Надюшку?» – непрерывно размышлял Егор.

Да-да, «им» – Гоша уже не сомневался, что не «Надюшка» водит Родиона за нос, а они вместе водят за нос всех окружающих. Проскочила одна фразочка – как раз в тот миг, когда неожиданно стих рев мотора и возник момент внезапной предательской тишины. «Надюшке» в это время взбрело в голову взобраться на поручни и, балансируя на них, лететь навстречу волнам. Минут пять назад это же проделал матросик-араб, чем заслужил бурные продолжительные аплодисменты «Надюшки» и Родиона. И вот ей взбрело в голову повторить трюк.

Тогда Егор в первый раз усомнился в здравости рассудка этой новой «Надюшки». Понятно, арабчонок – тощий, жилистый, весь свитый из мышц морячок, для которого волны привычнее, чем асфальтированная дорожка. Но роскошная женщина с роскошной кормой, которая тотчас нарушит центр тяжести и свалит свою владелицу с перил... Кем надо быть, чтобы затеять такое? Или девушка напилась с утра пораньше чего покрепче?

К счастью, спутник ее оставался вполне трезв и успел ухватить красотку за штаны, не дав совершить опасный трюк. Смертельный, так сказать, аттракцион. Оторвал от поручней и сказал, наставительно подняв палец:

– У тебя избыток адреналина в крови, это я уже усвоил.

Но... пока не время Надежде Гуляевой уходить к праотцам.
Пусть она еще поживет. Поняла?

И вот тут-то настал момент тишины – как момент истины.
«Пусть она еще поживет...»

Ольга Еремеева

Январь 2001 года,

Нижний Новгород

Ольга стиснула руки на коленях. Никогда в жизни ей не хотелось до такой степени изувечить кого-нибудь, как сейчас – этого гнусного опера. Для начала выцарапать его ненавистные желтые лживые глаза. Теперь она постигла, как можно довести человека до убийства. Ишь ты, удивился, когда увидел ее в аудитории! Ври больше. Да он небось с прошлого года лелеял эту месть. Сошлись два сапога пара – он и Зырянова! Эта девчонка просто не способна учиться, воинствующе не хочет ничего знать, такое впечатление, что у нее на уме не учеба, а только мужики. Везде и всегда, на лекциях и семинарах, на практических занятиях в ветлечебнице, где теперь работала Ольга и где ей приходилось вести занятия для студентов, она видела на лице Зыряновой попеременно два выражения: отвращение к каждому слову преподавателя – и жадную, алчную тягу к существам противоположного пола. А если быть точной, к одному конкретному существу. Именно – к Денису.

И, как ни была сейчас Ольга ожесточена и измучена, она невольно соскользнула на ту привычную тропку, на которую ее всегда вводили его темные глаза, смотревшие со стран-

ным, тревожным выражением ожидания...

Чего ждал от нее Денис? Ольга не знала. А вернее, просто не хотела знать. Смешно: ему восемнадцать, ей двадцать девять. Он мальчишка, донельзя избалованный девчоночьим вниманием, она – уже, можно сказать, немолодая женщина, со своим довольно бурным прошлым, с разбитым браком и с воспоминаниями, которые неохота вызывать в памяти. О будущем думать она боялась, жила сегодняшним днем, черпая утешение в том, что вот еще один прошел, не принеся с собой никакого горя. А это уже много, и безумец тот, кто мечтает о большем.

Мечты! Привычка мечтать и ждать, непрестанно ждать чего-то от жизни и привела Ольгу в свое время к разочарованию в муже, который, по известному выражению, может, и хороший был мужик, но не орел, нет, не орел! И ему не нужна была жар-птица – нужна была хорошенькая домовитая наседка. Ольга понимала это – и не находила себе места. И она не та, и он не тот – зачем длить взаимное мучение? Надо было просто стерпеться, слюбиться, а она все дергалась, дергалась, переживала, тосковала. Дошло уже до того, что и постель их не могла соединить – лежали в ней как чужие, не зная, что делать друг с другом, и тихо недоумевая, что это такое пылало когда-то меж ними, что заставляло накидываться друг на друга. Отпылало, отгорело – одни угольки остались. В состоянии этого отчужденного недоумения они и расстались.

Сначала Ольга радовалась, что не успела родить ребенка, а значит, никто ей не напоминает о неудавшейся полосе жизни, была убеждена, что очень скоро сможет зачеркнуть ее и переписать судьбу на белом, однако в один прекрасный день поняла, что привела себя всего лишь к одиночеству – к тому одиночеству, в котором она пребывала теперь. Потому она и побаивалась откровенных взглядов Дениса, что они пробуждали в ее душе угасшие мечты. Нет, не в том смысле, что между ними что-то может быть. Она – и этот юнец, пусть даже и сексуальный, как... как все самые смелые ночные фантазии одинокой, тоскующей по любви женщины?! Даже если и отважиться как-то раз потерять голову, забыться, наплевать на приличия и элементарный здравый смысл, что из этого выйдет? Для него – новая победа, которой можно небрежно похвастать в кругу таких же самоуверенных мальчишек (и еще не факт, что победа над занудной, не больно-то интересной училкой возвысит Дениса в глазах друзей!). Для нее – полная потеря самоуважения, да это ладно, не привыкать, куда страшнее – разбитое вдребезги сердце, очередное крушение судьбы, но уже без надежды на воскресение. Снова придется привыкать к одиночеству, с которым Ольга уже почти свылась, худо-бедно сжилась с ним, даже начала находить в нем что-то привлекательное. Надо ей все начинать снова-здорово? Само собой, нет! Ей нужна полноценная жизнь, полноценная любовь, а не суррогат в виде капризного ребенка. Она же не дура!

Она была не дура... И все же стоило снова заглянуть в эти странные глаза, как Ольга начинала метаться: а вдруг?! Иногда казалось: все может случиться – если только он сделает первый шаг. Ее влекла к Денису не любовь – влекла тоска по любви. Настолько осточертела пресная, однообразная, размеренная, перегруженная работой жизнь; не хотелось быть умной, рассудительной, мудрой... Стареть не хотелось отчаянно, а ведь мудрость – это следствие, куда ни кинь, возрастной безысходности: поделаться-то со своей жизнью, со своей судьбой уже ничего нельзя, назад не воротишься, ну и приходится убеждать себя, как тебе хорошо и уютно в наступающей зрелости и в безысходном одиночестве. Нет, и это все не объяснение ее состоянию! Любовь – самозабвение, благородное безумие. Вот чего не хватало Ольге – даже не удовольствий в постели, а безрассудства, безумия, фейерверка вместо ровного свечения – того, что называется избитым словом «романтика». Не хватало возможности забыться в поцелуе, утонуть в любимых, ошалелых, пьяных от счастья глазах. Все это было, было у нее когда-то. Почему ушло? Куда ушло? Сама виновата? Может быть. Так отчего не плюнуть на осторожность, не испить снова хотя бы глоточек счастья, тем более если он хочет того же?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.